

Сергей Маркелов

Усену: Странствия Охвы

Цикл «Усену». Книга третья. Том 1

Сергей Маркелов

**Усену: Странствия Охвы. Цикл
«Усену». Книга третья. Том 1**

«Издательские решения»

Маркелов С.

Усену: Странствия Охвы. Цикл «Усену». Книга третья. Том 1 /
С. Маркелов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962383-6

Эта история жизни, дружбы и трагической любви не только Охвы, но и тех, с кем он повстречался за годы своих странствий... Вы узнаете драматическую историю родителей Ваeko, станете свидетелями становления Максима как главного в округе «Черного Дельца», познакомитесь с отцом Яхси (героя второй книги) и, конечно, узнаете про все события, предшествовавшие первой истории из цикла. Эта книга является «мостиком» между прошлым этого края и тем, что произойдет в ближайшем будущем...

ISBN 978-5-44-962383-6

© Маркелов С.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Дорожите каждой минутой	6
I Заботы одолевают	7
II Первое Испытание Охвы	11
III Иванов кот	25
IV Ярси и Охва	37
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Усену: Странствия Охвы

Цикл «Усену». Книга третья. Том 1

Сергей Маркелов

Редактор Ольга Петровна Маркелова

Оформление обложки Сергей Маркелов

© Сергей Маркелов, 2020

ISBN 978-5-4496-2383-6 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-2384-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Дорожите каждой минутой

Однажды вечером сев, так невзначай в своем углу, уставший и измотанный после трудного дня, мне в голову начинают закрадываться мысли о мимолетности течения времени...

Жизнь, как мы все знаем и осознаем, складывается по кирпичику из наших прожитых дней. День за днем, слой за слоем, мы строим свой «кирпичный дом», редко задумываясь, что, положив пустой кирпич, а следом на него целый ряд подобных ему, все может рухнуть.

А что, если таких кирпичиков – дней, не один, ни два, и даже не десяток, а больше? Получается, что каждый прожитый день впустую, может привести к катастрофе. Но как же при нашей пустой и однообразной жизни, определить прошел день впустую, или нет? Ведь у каждого из нас день начинается с забот.

Все мы спешим по своим делам: кто на учебу, кто на работу, кто по делам. И все вроде заняты, все бегаем, как белки в колесе, и утверждать, что такой день прошел в пустую, я не берусь...

День выдался и вправду трудным: много дел, забот, еще больше переживаний, невзгод, но все это лишь песок, который сыпется после нас, оставляя лишь след, на короткое время. И понятное дело, если таким песком наполнены все дни, весь дом может просто осесть, и вы окажетесь у «разбитого корыта».

Все эти заботы, конечно и составляют большую часть нашей жизни, и от них нам не убежать. Прежде чем мы остановимся, обернемся и поймем, что жизнь прошла в пустую, может пройти значительное время.

«Так что же делать? Как быть? Что исправить?» – закричим мы про себя, и станем рвать на себе волосы.

Я скажу вот что: «Отчасти мы будем правы. Жизнь проходит впустую».

Но это лишь темная обратная сторона медали. Если мы так и будем жалеть себя и свою жизнь, мы так никогда не увидим вторую – светлую сторону.

«Что же это за сторона?» – спросите вы.

Позвольте объяснить. Каждый Божий день, надо начинать с мысли:

«Что Я сегодня сделаю, и заканчивать – что сделано».

Так говорили мудрецы прошлого. Спорить с ними я и не собираюсь, но хочу поподробнее обо всех пояснить. Прежде всего, отыщите во всем плюс. Даже в минусах они есть, просто не каждый способен это увидеть и понять. Во-вторых, наслаждайтесь и дорожите каждым мгновением, каждой минутой, проведенной с близкими, с теми, кого любишь, и кто дорожит тобой.

Каждая минута с ними, способна заменить час без них, и в воспоминаниях о тех мгновениях, время пройдет быстрее. Но не стоит спешить. Пусть нам иногда приходится расставаться с теми, кого любим, и мы порой думаем, что это навсегда. Но прошу, не будьте такими упорными, откройте свои сердца, и очистите разум. И я знаю точно, там внутри себя ты обязательно встретишься с ними. Пусть это будет мечтой, фантазией или сном – все равно, цени и эти мгновения. Ведь раз ты их не забыл, значит, они живы, они рядом с тобой, всегда рядом».

I Заботы одолевают

Именно такими тяжелыми думами был удручен один старенький кот-манул, которого после трудного дня, задержали у входа в свою часть пещерки трое просителей.

– Дедушка Охва, вы обещали, – настаивал на своем самый длиннохвостый и главный из просителей, коим был барсенок.

– Обещали, обещали! – в один голос вторили ему близнецы брат и сестра лисята.

– Ну, обещал, я помню. Но вы посмотрите уже поздний вечер. Тебе Шусик пора отдыхать, а вас, наверное, мама обыскалась.

– Не-а! – ответили на это лисята, а барсенок, недовольно покрутив носом, пробормотал:

– Не хочу я спать!

На что старенький мудрый манул пристально взглянул на них, поняв, что от них так просто ему не уйти, согласился.

– Ну ладно, сорванцы. Совсем не жалеете старика Охву! – проговорил он, нагоняя на себя недовольный вид.

– Так с чего же начать? – почесал затылок манул.

– Дедушка начните с самого начала! – предложил Шусик.

– Сначала говоришь... То бишь с детства?! Дайте-ка припомнить, ага...

– Ну начнем! – набрал полную грудь воздуха Охва, и завел свой рассказ, так долгожданный для троих маленьких слушателей.

«Это началось десять лет назад, точнее, когда я появился на свет.

Шел теплый месяц май, когда моя мама родила троих котят. Я так сказать, был самым младшеньким.

Как только у меня прорезались глазки, и открылись ушки, я впервые услышал свое имя – Енуохваохолеиш, или просто Охва.

Если честно, я был не только самым младшим, но самым маленьким из братиков. Это стало заметно после нескольких месяцев, которые мы провели в укромной пещерке, в которую и солнечный свет проникал очень редко. Но несмотря на то, что я был меньше и слабее, моя мама не отвернулась от меня».

Здесь Охва немного кашлянул, нечаянно взглянул на Шусика, который немного смутился.

«В возрасте четырех месяцев, она вывела нас на нашу первую охоту. Ох, и наломал я тогда дров: перепугал всех, кого мог, и даже мышки-полевки не поймал. В отличие от моих братьев, которым повезло больше.

Но я не отчаивался и про себя повторял слова мамы:

– Сегодня не получилось – завтра получится.

День за днем я старался изо всех сил, но ничего не получалось. Я все делал, как мама показывала, наблюдал за охотой братишек, но ничего путного из этого не выходило.

Ближе к осени наступили холодные времена. Мы были еще котятами, и не могли полностью самостоятельно охотиться, и маме приходилось брать нас с собой. Только представляете, как тяжело подкрасться к добыче, когда у тебя за спиной трое котят, так и норовили поиграть и пошуметь. Но мама не злилась, она понимала, что мы еще дети и мы еще мало что понимаем.

Не знаю почему, но меня эта проблема вечного недоедания мамы, которая отдавала последние куски нам – ее детишкам, крепко влезла в мою головушку, и я просто не мог ничего не делать, в отличие старших братьев, которым, кажется было все равно. Я жалел ее, и корил

себя, за то, что ничем не могу ей помочь. Эта мысль так взволновала меня, что я не мог ни спать, ни есть, и все думал и думал.

Пока, наконец, меня не осенило. Мама кормит меня, а я накормлю ее. Как именно и когда я это сделаю, я не знал, и стал ожидать подходящего момента.

Ждать пришлось недолго. Как только с деревьев стала опадать листва, и стало холодать, пошли дожди. Мама стала оставлять нас дома, а сама в одиночку отправлялась на охоту. Порой несколько часов, иногда почти весь солнечный день, ее не было. Я так преданно и любяще, все это время сидел возле выхода и ждал ее. Мои братья, считали это признаком некой слабости, мол, как они говорили:

– Нам уж в пору самим начинать взрослую жизнь, а ты все привязан к маме.

Конечно, я им ничего не отвечал, но про себя очень злился на них за то, что они совсем не берегут маму, и не беспокоятся за нее, когда она не рядом.

Я не мог больше медлить, все это стало невыносимым. И однажды вечером дождавшись, пока мы уснем, мама, как всегда отправилась на охоту. Но в этот вечер я не спал. Как только она скрылась из пещеры, я осторожно, чтобы не разбудить братьев, выбежал ей в след. Не желая, чтобы она меня заметила, я скрылся в кустах, листва которых, еще не до конца опавшая, отлично скрыла меня. Как только мама исчезла в вечерней мгле, я отправился в противоположную от нее сторону.

Тогда я хотел поймать хоть кого-нибудь, и принести маме, причем успеть до ее возвращения. Но я тогда и подумать не смел, чем обернется мне, эта ночная охота.

Я все шел и шел вперед, и был так увлечен «охотой», как я это называл, хотя тогда весь дрожал, и меньше всего думал о ней, что и не заметил, как забрел в лес. Снизу, когда ты маленький, тебе ужасно страшно, холодно, и одиноко, все кажется одинаково пугающим. Я был тогда еще слишком юн и глуп, чтобы осознать, что, такому как я, столь темным вечером, путь в лес заказан и причем в качестве добычи.

Но я меньше всего тогда думал об этом. Ведь до того момента, охотились мы, а как это делают другие я и не подозревал. Но к моему счастью, я был слишком мал и тих, чтобы меня приметили рышущие и пробегающие мимо волки, и множество других хищников по крупнее меня, чьи голоса я прекрасно слышал.

Но как я осознал позже, надо опасаться не тех, кто рычит и кричит во все горло, а тех, кто ведет себя тише воды, ниже травы. Хотя последнее не про них.

Я был не замечен с высоты любого хищника, твердо стоявшего на лапах, но я и не подозревал, что за мной уже наблюдали пара светящихся в темноте глаз, с высоты самой высокой ветки одного из деревьев. Мне и в голову не могло прийти, что, охотясь можно самому стать целью этой охоты.

Совершенно беззвучно, как тень, меня в одно мгновение накрыла тень. Довольно когтистая, и я сразу угодил ей в одну лапу. То был филин, точнее такой же подросток, может постарше меня, который, как и я, решил поохотиться самостоятельно. Но что для одного было нуждой, для него было забавой.

Не успев меня схватить, как следует, он разжал когти, выпустив меня. Не прошло и нескольких секунд, как он снова набросился. Но к моему счастью, я быстро сообразил, чего от меня хочет эта птичка, и кинулся в сухие заросли кустов. Филин рванул за мной. Но что-то явно у него не заладилось. Так как в следующую секунду он грозно зашипел или зауhal, не достигнув меня до кустов. Когда он понял, что потерял меня из виду, взмыл в воздух и уже оттуда, отыскав меня, снова накинута со сверкающими глазами, прямо на меня.

Я несся, как угорелый, но все же не мог сравниться с его молниеносностью, и вскоре почувствовал, как его когти впиваются мне в спину. Но в тот самый момент, его смертельного пикирования сверху, и его приземления, он толи неудачно сел, толи подвернул лапу, и через

секунду рухнул на землю, как подкошенный. Совершенно забыв про добычу, он высвободив меня из своих когтей.

Я, не раздумывая, рванул бежать от него, думая, что птица вновь забавляется. Но спустя минуту я осознал, что преследования нет. Решив поскорее вернуться домой, я огляделся и только сейчас понял, что заблудился.

Не успел я отчаяться, как позади меня раздался волчий вой. Это конечно сейчас я знаю, что это за вой, и кто такие волки, но тогда мне показалось, что это крик боли той самой птицы. Сам не зная, почему, я бросился назад.

Достигнув того места, куда неудачно рухнул хищник, я обнаружил надломанную ветку, столь острую, что смогла ранить филина, отчего как я сделал вывод, он и отпустил меня. Затем мне на глаза попались капельки красной водицы, подобной той, что текла у меня из лапки, когда я ранил ее.

Не успел я что-либо придумать, как позади меня раздалось чье-то рычание, и я, с перепугу, кинулся бежать в ту же сторону, в которой скрылся филин. Я так испугался, что и не заметил, что впереди в кустах пряталась та самая птица, в которую я со всего разбегу и треснулся лбом.

– Ах ты! Пошел прочь! – прошипела птица, но я и встать не успел как рычание стало еще ближе.

Филин умолк. И я, не зная к кому прижаться, бросился к нему. И вот мы оба, с замиранием сердца стали выжидать, что же будет дальше.

А произошло следующее. Не отыскав по запаху источник, волк, который не дошел до нас каких-то несколько шагов, поднял голову и огорченно вздохнул:

– Снова ничего.

– Ты следы ищи, следы. Не мог же он улететь, – слышался еще один голос где-то рядом, явно принадлежащий волку постарше.

– Они обрываются. Видать все же смог, – закончил он, и вскоре оба волка удалились.

А филин, не понимая, почему его следы вдруг волшебным образом исчезли, перевел взгляд на меня. Ибо я умудрился, пока бежал, собрать своими лапками все капельки крови, а при падении, так и вовсе все стер. Его удивлению не было конца, как и моему страху.

И вот мы оба не сводили друг с друга глаз, пока волки рыскали рядом, а когда ударились, филин, отстранив меня от себя крылом, молвил:

– Ступай домой!

А сам стал осматривать свою рану, из которой еще торчал кусок ветки. А я вне себя, от пережитого, в конец, потеряв все ориентиры, без задней мысли подошел к нему и одним резким движением вырвал эту ветку из его крыла. Он вскрикнул от боли. И не успел он понять, что стало легче, а я выпустить из лапок ветку, как на меня, со всего размаху обрушилась еще одна птица, куда больше этой. Как я позже узнал, то была его мама, которая, заметив, отсутствие сына, кинулась за ним. Но завидев рыщущих волков, притаилась на дереве. И лишь с их уходом и криком сына обнаружила его и тут же бросилась ему на помощь. Эта птица вмиг бы меня разорвала, если бы в следующее мгновение на нее не набросилась моя мама. Завязалась драка, которая, не успев разгореться, была тут же остановлена криками двоих сыновей:

– Мама стой!

И хоть манул и филин, давние враги, обе матери, дослушав до конца рассказ своих детей, которые перебивая друг друга, все им рассказали, молча разошлись по сторонам. И забрав нас, лишь чуть кивнули друг другу, и тут же молча удалились.

Всю дорогу домой я молчал, боясь поднять глаза на маму. И лишь тихие слезы, говорили от моего лица. А когда мама остановила меня, уже возле входа в убежище, и утерла своей лапкой мои слезы, молвила:

– Милый мой, Охви, я знаю и вижу, что ты стараешься мне помочь, изо всех сил. Но впредь делай это аккуратнее и осторожнее. Ты еще многого не знаешь, и еще многое тебе предстоит узнать. А пока ты еще ребенок, так радуйся детству, как некогда радовалась и я, и оставь заботы взрослым.

После чего она нежно обняла меня. Я вытер об ее шерстку остатки слез, быстро побежал в пещерку, под хлопок маминой лапки по попе. В пещере меня ждали обеспокоенные братья, от которых мне пришлось выслушать куда более резкий и осуждающий выговор, чем от мамы.

После этого случая они уже не обращались со мной как с нерадивым и охотно звали меня участвовать во все свои игры и охоты, которые скажу я вам, стали куда удачливее...»

Запнулся Охва, так как в пещеру ворвалась мать-лисица, и с криком кинулась к близнецам:

– Вы хоть знаете, какой час!? Уже темень, а они все разгуливают одни.

– Но мама, – протянули лисята, одновременно обиженно и стыдливо.

– Ни каких мама! Марш домой! А ты Охва, тоже хорош, знаешь, что они еще дети малые, все судачишь свои рассказы, – накинулась с криком мать на Охву, который хранил молчание.

– Не ругайте его, это все я. Я уговорил его рассказать нам историю! – заступился за него Шусик, отчего мать немного потупив взгляд, перевела его на Охву и, взяв себя в лапы, уже спокойнее проговорила:

– Прости Охва, я погорячилась.

– Ничего, впредь это послужит мне уроком! – улыбнулся ей Охва. – И кстати дети, хотел договорить.

«Это и позволило нам всем вчетвером пережить ту холодную и голодную зиму»

Закончил рассказ Охва, и проводив до выхода мать-лисицу и ее детей.

– Спасибо Шусик, выручил, – так же улыбаясь, проговорил Охва, и направился в свой дальний уголок, в который только он и мог пролезть.

– А ты, что не ложишься? Продолжения сегодня не будет, – слышался голос Охвы из темноты, которого хоть и не было видно, но ему было все хорошо видно.

– Что-то не спиться, – коротко ответил Шусик, сидя к нему спиной, возле входа в пещеру, довольно печальным тоном, который был знаком Охве, и он, не став его уговаривать, пожелав спокойной ночи, тихо засопел.

А Шусик еще долго сидел возле входа в пещеру, не сводя глаз с улицы, в которой хоть и невозможно было что-то разглядеть, но все искал взглядом кого-то и в ушах его эхом звучали слова Охвы.

– Они вернуться, вернуться...

II Первое Испытание Охвы

Рассчитывая отдыхать до самого полудня, Охва был крайне удивлен, когда часов в десять, его разбудили чьи-то голоса, доносившиеся снаружи пещеры. Они были настолько звонкими и громкими, что смогли пробиться сюда сквозь глухие стены пещеры.

– Ну, сорванцы, сейчас я вам... – заворчал манул, выходя из своего темного угла, но встретив такой же вопросительный взгляд барсенка, которого, как и Охву разбудили эти голоса, он осекся и заковылял к выходу.

– Ну, кто здесь шумит? – проговорил громко Охва.

– А это еще что за детский сад? – воскликнул он, увидев, выйдя, что возле входа к нему, веселятся пятеро милых лисят, которые явно знали его и даже не обратили на него никакого внимания и продолжили задорно бегать, догонять друг друга, покусывать за уши, и дергать за хвосты.

– Прости Охва, что нарушили твой покой. – запыхавшись, подбежала к нему мама-лисица.

– Да, за ними не угонишься, – улыбнулся Охва.

– И не говори. Как только сказала им, что сегодня на пару часов будут с тобой, сорвались к тебе, не дождав меня. Охва, приглядишь за ними?

– Ну не расстраивать же детишек, – улыбнувшись, ответил он, и громко крикнул лисятам.

– Живо внутрь! Кто последний, того я укушу, – отчего все лисята тут же кинулись внутрь, расталкивая друг друга и даже пробежали по высовывающемуся Шусику из пещеры.

– Что-нибудь случилось? – молвил Охва, заглядывая в глаза матери-лисицы, которая печально проводила своих детей взглядом.

– Нет, просто наступают холода, их становится тяжелее прокормить, вот и приходится отправляться на охоту к реке, – очнувшись, ответила она.

– Это мне знакомо... Но я про другое, – стал провожать лисицу манул.

– Ах Охва, меня терзают мысли, что я никогда больше не увижу Риша, – тихо проговорила она, опустив взгляд.

– Так всегда случается. Дети вырастают и покидают родной дом, чтобы отыскать новый, – задумчиво ответил ей Охва.

– Я знаю. Но вдруг он там сгинет?

– Послушай меня... – остановил лисицу манул и, развернув ее к себе лицом, молвил:

– Твой Риш храбрый и ловкий лисенок, он сможет найти верный путь. Тем более он не один, с ним Усену и Хис!

– Тебе легко говорить, у тебя нет детей! – огорченно проговорила лисица, на что Охва, умолк и неспеша побрел к себе.

– Прости Охва, я не хотела, – подскочила к нему лисица.

– Ничего, ты права. У меня нет своих детей, но есть те, кого я всегда буду помнить, и любить, – ответил ей сдержанно Охва, и, откланявшись, побрел к себе.

Мать-лисица, явно огорченная на себя, и свой длинный язык, проводила его печальным, сочувственным взглядом, и кинулась на охоту.

– Ну чтож, детишки, вы у меня в гостях и поэтому прошу успокоиться, – начал Охва, зайдя к себе и видя, что лисята носятся из угла в угол.

– Не хотите? Тогда, я ложусь отдыхать. Я старенький и вам надо бы отдохнуть, – зевнул Охва, и, прикрыв глаза, направился к себе.

А лисята тут же услышав нелюбимое слово, сразу притихли, а двое из них – те самые близнецы, тихо молвили:

– Мы успокоились и готовы слушать!

– Что изволите? – обернулся Охва, напустив на себя облачко непонимания.
– Продолжения, дедушка Охва, – молвил Шусик, заходя внутрь.
– Где был? – спросил как бы невзначай Охва.
– Дышал свежим воздухом, валялся в снегу, как обычно.
– О, это хорошая идея, а почему бы всем вам не поиграть на улице!
– Не-е-ет! – протянули лисята.
– А что так? Вы только посмотрите, какой погожий денек. Всюду лежит снежок, и ветерка нет.
– Охва, Охва! – загалдели лисята. – Ну, уж нет, дедушка, раз начали, так продолжите. Пожалуйста! – протянул Шусик, вытягиваясь в струнку.
– Да-а, – протянул Охва, смотря на все это со стороны. – С вами каши не сварить, – и хотел было удалиться, но Шусик, увидев его намерение, собрал всех лисят под своей большой лапой, и молвил:
– Дедушка, не уходите.
На что Охва обернулся и, заглянув ему в глаза осознал, что для него, его повествование важнее, всего происходящего в округе.
– Ладно! – согласился Охва и занял свое место.
Лисята вмиг успокоились, а Шусик обратился в слух.

«Как вы знаете, свою первую весну в жизни, ждут с нетерпением и неким трепетом. И это связано не только с буйством красок, просыпающейся ото сна природы...

С весной приходит чувство некой легкости, полета, тебя одолевают букеты чувств, неведанных прежде. Именно весной нам хочется жить, а не существовать. Но я свою первую весну, точнее вторую, если считать первую, когда я был еще слепым беспомощным котенком, ожидал с некой тревогой в сердце. Если не сказать больше – со страхом.

Это чувство усиливалось с каждым днем. Я не мог не спать, ни есть, не думать, о чем другом. Ведь мне и моим братьям предстояло совершить свой первый взрослый поступок, а именно – оставить родной...»

Повел рассказ Охва, но встретившись с потупленным и недоумевающим взглядом лисят, остановился. А взглянув на барсенка, понял, что только он один понял, о чем идет речь, и тут же решил сменить тему.

– Но не будем пока об этом. Забудьте все, что я только, что сказал, и продолжим.

«Так вот, начав свою собственную взрослую жизнь, в первых месяцах весны, я первым делом отправился на поиски нового дома.

Скажу я вам, это оказалось делом не легким. И мне пришлось преодолеть не один десяток километров на север. День и ночь я шел и шел, и вскоре и вовсе потерял счет дням. Мне казалось, что меня преследует злой рок и неудачи так и сыпались мне на голову.

Пока, наконец, я не набрел на эти места. Выискав уютную пещеру в этих горах, хорошо спрятанную и защищенную от лишних глаз, я решил, что это и станет мне новым домом. В округе рос густой кедровый лес, вдоволь полный всякой добычи, и местным хищникам было не до меня».

– Хотел еще сказать, эту же самую историю, я как-то уже рассказывал и в этот раз постараюсь так же точно, как и в первый, – сделал паузу Охва, явно вспоминая прошлое, после чего вновь продолжил.

– Так вот все началось весной, когда зелень только проклюнулась, и все в округе цвело и пахло.

«Одним прекрасным утром, меня разбудил непонятный шум, похожий на рев горного водопада. Не понимая, что случилось, я выбежал из пещеры как угорелый. Боясь приблизиться

к шуму, я жил несколько дней в страхе, дни напролет не выходил из пещеры, и лишь ночью, когда шум стихал, я выбирался на охоту.

Так длилось несколько дней, пока шум и рев не оказались совсем рядом с моим убежищем. Тогда я не выдержал и бросился из пещеры бежать. Но, выскочив из нее, и пробежав несколько десятков метров по лесу, я был потрясен увиденным.

Целой полосой, от предгорья до горизонта лес был полностью уничтожен! Отыскав безопасное место, я стал наблюдать за округой и теми, чьих рук дело это было. Это был человек, и не один. Не меньше двух десятков, облепив каждый по дереву, они наносили удар за ударом по могучим стволам кедров, своими топорами. Это зрелище так озадачило меня, что я и не услышал приближение других людей, которые явно в перерыве решили поохотиться. Было слишком поздно, когда я заметил их приближение.

Прозвучал выстрел, впервые в жизни мной услышанный – оглушительный грохот, который свалил меня с лап. Вскоре на меня вышел один из них. И приняв меня за мертвого, на которого, ничего не тая, я был тогда похож: скованный от страха, с прикрытыми глазами, я даже дышать боялся.

Человек поднял с земли меня и других зверей, что угодили в его руки. Затем кинул в переноску, что висела у него за спиной, и напоминала что-то вроде рюкзака. Тогда эти минуты казались мне вечностью.

Достигнув непонятных сооружений, служивших, по-видимому, им для ночлега, человек вытряхнул свою добычу на землю. Подозвав своего приятеля, оба занялись дележкой. После которого я попал в одну из двух кучек. Совершенно измучавшись от страха, я вскоре потерял сознание.

Очнулся я лишь ближе к вечеру, когда по лагерю пробежал один из лесорубов, громко крича, и показывая в сторону реки. Через пару минут по реке приплыл, еще один человек, который оставив лодку, направился напрямик к срубам. Попутно идя, он все внимательно осматривал, и даже попытался завести разговор с лесорубами, но те его игнорировали.

Тут ему и попала на глаза охотничья добыча, к которой он не замедлил подойти. Склонившись над убитыми зверьками, он стал ощупывать каждого на признак жизни. Дойдя до меня, он, немного удивившись, аккуратно взял меня в одну руку, а остальных в охапку в другую.

– Чье это?! Кто посмел охотиться здесь, весной, без разрешения? – громко спросил он лесорубов, но те только отмахивались.

Ему ничего не оставалось, как покинуть это злчное место, прихватив, к большому разочарованию охотника, с собой убитых зверей и меня. Охотника вовремя остановили свои, когда он хотел преградить путь не званному гостю. После чего, человек продолжил дальше осматривать местность, удаляясь все дальше в горы, в надежде, что вид сверху откроет ему полную картину происходившего.

Забравшись в горы, он занял один из выступов и развел костер.

– Самое обидное, что у этих «хищников» и разрешение на это есть. И придраться с виду не к чему. Серьезно подошли к делу, – бормотал себе под нос человек, усадив меня себе на колени, а пальцами рук стал производить легкий массаж шеи и спины, как бы стараясь вернуть меня к жизни.

Но я был так сильно напуган, что и пошевелиться боялся. Тогда человек вынул из своего кармана кусочек вяленого подсушенного мяса, насадил его на палочку, и слегка разогрел над огнем. Запах сушеного теплого кусочка, заставил потянуться за ним. Человек начал гладить меня и подкармливать. Удивительно, но чувство страха ушло. Его руки, словно вытянули его из меня, и наступил покой.

Когда стемнело, и костер начинал гаснуть, человек осторожно положил меня на землю, и со словами:

– Беги малыш! – погладил меня на прощание.

Я тут же нырнул в ближайшие кусты и спрятался там.

Человек потушил костер и, забрав с собой двух из убитых животных, начал спускаться вниз. Почувствовав, что человек ушел, я вышел из кустов, и недолго думая, кинулся в свою пещеру.

На следующее утро я был разбужен все тем же треском и звуком валки леса. Неспеша и аккуратно я вышел из дома, но людей поблизости не было. Звук доходил с другой части леса, вдали от гор. Решив, что пока я в безопасности, я принялся за охоту. Но оббежав всю округу, не смог обнаружить ни единого зверька. Одолеваемый чувством голода, мне пришлось отдалиться от пещеры.

Не успел я напасть на чей-либо след, как на мой след напала охотничья собака. Не успев опомниться, как на меня вылетела из кустов эта зверюга. Я тут же метнулся бежать.

Погоня была недолгой и не успел я пробежать и сотни шагов, как земля подо мной исчезла, и я кубарем упал в яму, вырытую людьми для ловли, видимо этой ночью. Быстро встав на ноги, я хотело вскарабкаться, но на середине пути был отброшен звонким лаем собаки, которая стала нарезать вокруг ямы круги, и звать людей. Но хозяин пса все не объявлялся, а собака лаяла и лаяла. Это было просто ужас: сидеть в яме, и ожидать своей неминуемой гибели!

Не знаю, сколько прошло времени, я потерял тогда ему счет, но вдруг собака перестала лаять и начала рычать. Затем послышался резкий стон, и в яму упала толстая палка, и собака пустилась наутек.

Послышались шаги, они шли медленно и с каждым новым, мне становилось все хуже и хуже. Но когда человек подошел, и показалось его лицо, я был очень удивлен. Думаю и он удивился не меньше моего. Ведь это был мой вчерашний спаситель. Он спустился, взял меня на руки, и вылез. Осмотрев меня, он немного подивился моей везучести.

Не выпуская меня из рук, он пошел осматривать лес. После нескольких часов осмотра, за который я не слезал с его рук, так был напуган, и чувствовал тогда себя в безопасности рядом с ним. Он поднялся на тот же выступ, что и вчера. И сев на край, завел разговор:

– Посмотри... За несколько дней, они уничтожили то, что цвело и развивалось не один десяток лет. Это уже не восстановить, а мне приходится только наблюдать. У них есть все: бумаги, разрешения, техника, люди, но у них нет сердца, нет совести, нет жалости! Наш общий дом уничтожают паразиты, – при этих словах он по-особому взглянул на меня.

– Ну что же это я, сдался?! Ну нет, не на того напали! Я уберу их отсюда, это я тебе обещаю!

Человек умолк и начал пристально смотреть на поваленные деревья и все осмысливать. Вдруг он воскликнул:

– Друг мой, я придумал! Но мне понадобится твоя помощь.

Весь оставшийся день он все как следует обдумывал, проигрывал разные сценарии действия, и все время говорил со мной. Не знаю почему, может он думал, что я его понимаю. Но из его слов я понял не многое, но все же решил не убегать и довериться ему.

Рано утром, проснувшись опять под звуки пил и топоров, человек и я привели себя в должный вид. Он взлохматил и распушил мою шерстку, испачкал меня грязью, насадил на меня несколько колючек. В таком виде, он взял меня на руки, и направился в сторону срубов лесорубов. Крадясь через лес, человек дошел уже совсем близко до них и притаился.

– Теперь твой выход! Тебе надо лишь пробежать через весь лагерь! Беги! – подтолкнул он меня, и я, сделав несколько шагов остановился.

Страх сковал меня, мысли путались, и я боролся с собой, со своим страхом. Наконец я решился, и побежал.

Оказавшись на открытой местности, я не сразу был замечен. Но лай собак, привязанных на цепи, заставил лесорубов, что еще не приступили к работе, заметить меня:

– Смотри-ка, барсук!

– Какой-то он худой!

– Ни че, на завтрак сгодиться!

– Где мое ружье?! Подай-ка, – один из говоривших кинулся в дом, и вынес другому ружье. Тот, быстро схватив его, стал прицеливаться.

Почувствовав на себе прицел ружья, я оцепенел, и не смел пошевелиться. Еще пару секунд, и меня бы точно подстрелили. Но в самый последний момент, на лесорубов, с криком:

– Стойте! – выскочил мой спаситель.

Раздался выстрел, но пуля пролетела надо мною, так как в последний момент, второй лесоруб, перенаправил дуло ружья вверх. Я упал и закрыл глаза, думая, что умираю.

А тем временем среди людей началась потасовка. Двое лесорубов огорченные тем, что им помешали, пошли на лесничего с кулаками. И когда я открыл глаза, двое дубасили его, а третий, что стрелял, бил его по лицу.

Не знаю, чем бы все это кончилось для него и меня, если бы не раздался голос.

– Что вы здесь вытворяете? – прогремел он, и подошел к своим, по-видимому, подчиненным. Те попытались оправдаться, но он не стал их слушать, и обратился к спасителю, сидевшему на земле, и сплевывающему кровь.

– Ну, что получил? Я говорил, уходи отсюда!

– Нет, это вам надо убираться отсюда, – возразил лесничий.

– Тебе мало? Мои ребята еще могут тебя помассировать, – усмехнулся начальник, поддерживая хохотом своих работников.

– Смейтесь, смейтесь! Но человек, хотел застрелить животное!

– Ну и что, их мало что ли в округи?

– Мало! – ответил коротко он.

Из последних сил он встал, и направился ко мне. Подскочив ко мне, он чуть улыбнулся, удостоверившись, что я жив, и отряхивая меня и очищая от колючек, преподнес меня в качестве улики.

– Перед вами манул, или второе название его – Палласов кот, из семейства кошачьих. Очень редкое млекопитающее. Манул занесен в Красную Книгу России, и в Международную Красную Книгу, как животное, находящееся под угрозой исчезновения.

Хохот лесорубов исчез, все их лица стали серьезными, а начальник и вовсе помрачнел.

– Твой человек хотел его убить, а значит он браконьер. Я уже видел шкуры убитых зверей, уверен, у вас есть еще пару трофеев, да и ружья у них наверняка без разрешения...

– Я понял, чего ты хочешь? – спросил серьезно начальник.

– Я даю, вам еще этот день, а затем ты и все твои лесорубы, должны убираться отсюда!

– Да ты совсем спятил что ли?! – воскликнул начальник.

– Нет, я в своем уме! Если завтра утром здесь останется хоть один из вас, я вызову по рации вертолет, и вас всех посадят за незаконную вырубку, браконьерство, хранение оружия, покушение на жизнь сотрудника лесной базы, и ты как организатор всей этой шайки, получишь больше всех! – вполне серьезно и уверенно высказал все как есть лесничий прямо в глаза начальнику, которого от услышанного всего перекосило.

Наступила тишина, длившаяся не долго.

– Ладно, одни день! – сухо произнес начальник.

– Хорошо! Я буду на вершине вон той горы, и продолжу наблюдать за вами! – сказал лесничий, и медленным шагом направился к горам.

Когда лесничий ушел, к начальнику стали подходить лесорубы:

– Мы что, проглотим его угрозы?

– Этого бы не случилось, если бы вы – дурачье, не думали своими брюхами, – вскипел начальник.

Затем один из лесорубов, что-то стал активно нашёптывать начальнику, а тот закивал в ответ, хитро кривя рот. После чего пожав ему руку, прокричал:

– А теперь за работу, рубите все, что попадется под руки, хорошие бревна сразу грузите, мелкие складывайте линией вокруг горы!

Поднявшись на гору, человек развел костер, и опять начал меня подкармливать мясом. После, мы сели на уступ и начали наблюдать.

– За этот день они постараются срубить все, что возможно. Но если их не остановить, от леса совсем, ничего бы не осталось, – оправдывался человек.

– А ты отлично мне помог, спасибо тебе. Извини, что пришлось так использовать тебя. Благодаря тебе мы сохраним хоть часть леса. Бороться надо за каждый кусочек живой природы...

Вскоре лесорубы начали приближать к горе, ведя свою разрушительную работу. Они специально всегда были на виду, рубя дерево за деревом, оставляя их лежать, и переходили на другой участок.

– Да-а-а, я наступил гадюки на хвост. Теперь она злиться, и выплескивает весь гнев на всем, что попадает под руку, – печально сказал лесничий.

Весь день мы не сводили глаз с лесорубов, которые за день срубили столько же, сколько за несколько.

Когда начинало темнеть, у предгорья показался начальник, он громко закричал:

– Заканчивай рубить, вяжите их и грузите. Часть переправим на машинах, часть по реке. Пошевеливайтесь, до ночи надо успеть.

Все лесорубы быстро начали выполнять указы, сначала обрубая ветки, потом связывая бревна, и транспортируя их машиной в сторону срубов и к реке.

До наступления ночи лесорубы умудрились перегрузить все бревна на машины. Но и после, люди все не уходили, а продолжали работу. Разведя костры, они вывозили последки.

Меня клонило в сон, и я уснул на руках человека. Проснулся лишь поздней ночью, от слов человека, когда луна ярко светила:

– Они уезжают, это хорошо.

Посмотрев на долину, я увидел удаляющиеся огоньки. Костры людей потухли. Шум валки леса стих. Воцарилась тишина. Луна ярко освещала всю долину. Повсюду были пеньки, лишь кое-где оставались поваленные деревья, брошенные впопыхах.

Лесничего клонило в сон, и вскоре он тихонько упал на землю и уснул. Я наоборот – не мог уснуть. Мне опять захотелось поесть. Поискав на нюх еще мясца у лесничего в сумке, что он оставил возле потухшего костра, я ничего не нашел. Тогда я решил спуститься в долину. Рысью я побежал вниз, и начал рыскать в поисках добычи.

Дойдя до того места, где работали лесорубы, мне в нос ударил резкий запах, от которого жгло в носу. Такое ощущение, что он был повсюду. Здесь я заметил большие кучи веток, которые связывались друг с другом бревнами и кучками поменьше. Повсюду стоял этот запах, от которого становилось плохо, и кружилась голова.

Вдруг из-за одной кучи послышался шепот. Осторожно я начал красться в ту сторону. Голоса становились отчетливее:

– Чего мы медлим, все уже готово?!

– Надо дожидаться, пока нам дадут сигнал.

– Какой сигнал, разливай и пошли.

– Не спеши, все должно идти по плану.

Вдруг вдали в небе показалась красный огонек сигнального факела. Беззвучно огонек через несколько секунд погас.

Люди сорвались с места, таща за собой цистерны. Они разливали жидкость от кучи к куче, и вели след за собой, удаляясь в сторону леса.

– Думаю, хватит. Поджигай!

Другой человек вынул из кармана зажигалку и чиркнул, появился огонек. Медленно он поднес ее к пролитой жидкости. Она вспыхнула небольшой полоской. Следуя дорогой жидкости. Огонь вскоре достиг первой кучи, где он получил корм для себя, и вспыхнул ярким пламенем.

Не успел я опомниться, как огонь перекинулся на другие кучи, образуя полукруг вокруг горы, где мирно спал человек.

– Отлично. разгорается.

– Ну что, теперь пошли?

– Да, сваливаем!

Оба человека, прихватив с собой фляги, исчезли в лесу.

Я кинулся назад к скалам. Огонь стал быстро перебрасываться на сваленные деревья, которые как видно тоже были политы горючей жидкостью. Через мгновение огонь вырос стеной передо мной. На одной стороне оказался я. На другой, там наверху, на выступе – человек.

Быстро оценив ситуацию, я стал высматривать лазейку, через которую можно было пробежать на ту сторону. Но, нигде не было прорехи, и что еще хуже, огонь стал ползти по сухой траве. Положение становилось отчаянным. Огонь стал подниматься по склону наверх. Я тут же вспомнил, что на месте нашей стоянки было много сухих веток, набранных для костра, да и лежанка человека была из сухой травы.

Понимая, что есть только один выход, я сорвался с места и побежал прямо на стену огня. Через несколько секунд я оказался перед ней. Не останавливаясь, и закрыв глаза, я бросился в огонь. Жуткая боль охватила все мое тело. Открыв глаза, я оказался на другой стороне. Упав на землю, я не мог пошевелиться – любое движение приносило жуткую боль. Бросив взгляд наверх, я увидел, что огонь уже в нескольких метрах от выступа. Стиснув зубы, я встал и бросился бежать в сторону скал. Всюду уже полыхал огонь. Земля под лапами горела. Пробиваясь напролом, меня, то с одной, то с другой стороны обжигали языки пламени. Приближаясь к горе, я взглядом наметил короткий путь наверх. С разбегу я прыгнул на небольшой выступ, мои когти вцепились в камень. Задними лапами помогая, мне удалось забраться на него. Затем я помчался изо всех сил наверх. Здесь огонь еще не успел сильно разгореться, поэтому этот участок я преодолел очень быстро. Оказавшись наверху, я бросился с разбегу на человека. От неожиданности он вскочил.

Увидав в руках опаленный кусочек шерсти, он узнал в нем меня. Тут же он взял свою одежду, служащую подушкой, и стал тушить на мне опаленную шерсть. Я был до такой степени нагрет, что его одежда задымилась. Убедившись, что я потушен, он, оставив меня в одежде, встал на ноги.

– Огонь, он повсюду! Гадюка все же ужалила! – сквозь зубы прорычал он.

– Не бойся малыш, мы выберемся! – обращался он ко мне.

Человек быстро огляделся. Повсюду разгорался огонь. Он уже поднялся на выступ и отрезал нас от спуска.

Медленно пятясь, человек, в конце концов, уперся об вертикальный выступ. Почувствовав, себя в ловушке, он схватил одежду со мной, связал рукавами, сделав как бы карман, и обмотал рукава себе на шею. Быстро повернувшись к скале, он начал медленно взбираться на нее.

Скала была почти голой, лишь изредка небольшой кустарник, пробивался из скалы. Хватаясь то за камень, то за торчащие ветки, человек неуклонно поднимался все выше.

А внизу, весь выступ уже был объят пламенем. Пожар неуклонно рос и перебросился на уцелевший от рубки лес.

Вскоре я начал чувствовать, что мой «карман» начал опускаться. Узел на шее человека начал развязываться. Остановив свой подъем, он попытался поправить узел, но, не удержавшись на одной руке, потерял точку опоры ног, и начал скатываться вниз. Через несколько секунд ему удалось задержать падение, полностью прижавшись телом к скале, и уперевшись ногами об выступы.

От резкой остановки, узел полностью развязался, и я чуть было не упал, но успел уцепиться когтями передних лап в спину человека.

– Держись зверек, – сказал через боль человек. – Залезь чуть выше, ну давай же!

Собрав все силы, я подтянулся повыше, ближе к шее. Задние лапы запутались в кармане. Но он немного смягчил мои когти, которыми я старался зацепиться за спину, царапая ее до крови.

Убедившись, что я держусь крепко, человек начал снова взбираться наверх. Каждое движение давалось ему с трудом. Силы кончались, в спине были мои когти, а внизу все полыхало.

В этот момент я мало, о чем задумывался, так был напуган. Но все помню, как будто это было вчера.

Из последних сил, человек добрался до верха скалы. Вскрабкавшись на него, он лег на живот и тяжело задышал. Выпустив из него когти, я выпутался из мешка, и также, свалился без сил. Оба потеряли сознание...

Очнулся я от легкого прикосновения человека. Боясь задеть опаленные участки моего тела, на котором живого места не было, он пальцем водил по моему носу.

– Ты молодец, спас меня, – сказал человек, лежащий на животе, не двигаясь с места.

Стоял уже день. Солнце ярко светило, воздух был наполнен едким дымом. Человек попытался встать, но сил хватило, чтобы повернуться на спину. Когда он повернулся, я увидел, что вся его грудь была в крови. Я сообразил, что это камни сильно ее располосовали во время скольжения вниз по скале.

Человек осмотрел, себя. Руки также были изранены. Но только на них была вся надежда. Перевалившись на живот, человек начал ползти, опираясь на локти, разворачивая себя в сторону леса. Я также постарался развернуться.

Перед нашими глазами оказалась долина. Огонь и дым полностью накрыли как вчерашний очаг, так и всю местность в округи, более чем на пять километров, делая не реальным оценить ущерб и границу пожара, который, то потухал, то снова разгорался.

– Укус оказался больнее, чем я думал... Хорошо, хоть огонь не добрался досюда. Здесь мы в безопасности... На время, – добавил человек, осматривая не пораженную огнем часть природы, где мы находились.

Мы оказались на каменном выступе, совершенно без растительности. Чуть выше по склону росли мелкие кустарники, и одиноко стоящие кедры, печально смотрящие вдаль. Местность была довольно открытой, хищников можно было не опасаться. Большинство животных убежало во время рубки, а из-за пожара, из лесов сбегали и державшиеся на вершинах бараны, барсы и другие обитатели высокогорий. Птиц также не было видно.

Внимательно осмотрев всю округу, человек подобрал одежду, что служила мне карманом. Развязав рукава, он начал искать что-то в карманах.

– Послушай дружок, для начала нам надо обеззаразить наши раны, – говорил он, развязывая платок, что достал из одежды.

– К сожалению, я потерял много крови, а этого слишком мало для нас двоих, – взял он в ладонь сухие травы и корешки.

– Но ничего, я потерплю, а ты – нет, – при этих словах он быстро стал разжевывать травы и корни.

– Надеюсь они помогут тебе, – терял силы человек с каждой секундой.

Его глаза смыкались, голос затихал, руки опускались. Но он все же успел приложить к моим ожогам получившуюся жвачку.

Ощувив острую зудящую боль, я хотел было зачесаться. Но бросив взгляд на лесничего, осознал, что он потерял сознание. Не понимая, почему человек сделал это для меня, я прекрасно осознавал, что должен что-то предпринять.

С трудом я начал подниматься на лапы. Обнюхав остатки трав и корешков, что выпали из рук человека, я начал жадно принюхиваться.

Стараясь изо всех сил, напрягая свое обаяние, я отправился искать нужные травы, на время оставив человека одного. Через некоторое время, мне посчастливилось отыскать их. Они росли возле кедров, и были здесь в изобилии. Набрав в пасть, сколько смог, я кинулся обратно к человеку.

Прибежав на выступ, я его не застал. Осматривая долину, я заметил его возле небольших кустиков в стороне. Я помчался туда.

– Вот и ты, – приветствовал меня человек.

– Ты вернулся, а я уж подумал, что ты... – осекся на полу слове человек, разглядев в моей пасти травы.

– Не может... Хотя почему нет... Жизнь непредсказуема, – обнял он меня, и собрав все травинки, что я оставил подле него, он стал разжевывать их.

– Не перестаю удивляться тобой, дружок, – говорил человек, второй рукой роя землю возле себя, где он напал на след нужных ему кореньев.

Закончив, он подполз к ближайшему дереву. Облокотившись об него плечом, он сел. Я больше не желал его оставлять, и следовал за ним как хвостик.

– Теперь начнем, – прошептал человек, снимая рубаху.

– Подойди, начнем обеззараживания, – обратился он ко мне.

– Вот эта травка очень хорошо высасывает всю заразу из ран, – человек взял траву и начал разжевывать, получившуюся массу, он тихонько начал размазывать по всему моему телу.

– Средство вызывает зуд, но помогает! – пояснял лесничий, пока острый приступ зуда, вновь стал одолевать меня.

Закончив обмазывать меня, он принялся за себя. Разжевывая и прикладывая траву, он покрыл всю грудь этим средством. Чтобы выдержать зуд, человек рыл когтями землю. Видя, как ему тяжело, я уткнулся ему в руку. Человек, оценил этот жест, начал тихонько меня гладить, почти не дотрагиваясь. Через некоторое время, когда зуд утих, он обтер массой спину, докуда дотягивался.

– Знаешь, чему нам надо поучиться у природы? – спросил человек, облокотившись на плечо.

– Человек всегда уничтожает ее беспощадно, и продолжает это делать не только здесь, но и по всему миру! Каждую минуту уничтожается одно растение, каждый час дерево, каждые два – животное. А она по-прежнему к нам добра. Добра – вот чего не хватает людям! Даже сейчас, когда пожар уничтожает все в округи, природа дает нам лекарство. Мы убиваем, а она дарует жизнь. Природа прекрасна во всех ее проявлениях, – при этих словах он опустил голову.

Человек затих, и вскоре я услышал мирное сопение – он уснул. За ним и я заснул, набегавшись за это утро.

Проснулся я от легкого прикосновения.

– Ты голоден? У меня есть только вот эти корешки, поешь, – сказал человек, положив рядом со мной корешки.

Выхода не было, пришлось их есть. На удивление они оказались безвкусными, но очень сочными. Они хорошо утолили жажду так мою, так и человека, жевавшего корни со мной.

– Кровь перестала идти, боль приутихла, – сказал человек, осматривая себя.

– Уже за полдень, становится все жарче и труднее дышать. Надо подняться выше, и поискать воды, а то долго мы так не продержимся.

Человек, опираясь о дерево, цепляясь руками о кору, поднялся на ноги. Отпустив руки, человек сделал пару шагов.

– Хорошо, пошли малыш, – сказал лесничий.

Неспеша, каждый шаг давался ему с трудом, человек шел вперед, я следовал за ним, также обессиленный и ослабший. Шли мы до вечера, пока не достигли вершины нашего холма. Скала заканчивалась обрывом. Внизу простирался лес, еще не тронутый пожаром. Идя вдоль обрыва, человек осматривал все в округи. Пока не остановился:

– Нашли! Смотри вон там, из-под камней бьет небольшой родничок.

Я ничего не заметил, но все же шел за лесничим. Дойдя до того места, где наш уступ переходил еще выше, я заметил небольшую струйку воды, бьющую прямо из-под камней. Струйка текла на поверхности лишь не больше метра, и снова уходила под землю.

Придя к роднику, мы стали жадно пить, пока не напились досыта.

– Если пожар не остановить, он может перекинуться на другие участки леса, – сказал человек, привалившись к камню.

– Пожар не пошел на юг, ему помешали скалы. С запада все было срублено, гореть нечему. Значит пожар направился дальше на северо-восток. Если с севера его остановит река, то путь на восток ему открыт.

Человек задумался, взяв камешек, он стал рисовать схематично на земле, карту местности.

– Вот здесь пожар, вот здесь горы, тут все срублено. Надо остановить его здесь, перекрыв ему дорогу и на север и на восток. Но как? А что если... Конечно это может получиться, надо только дожждаться нужного ветра. Мы остановим его! – и человек положил два камушка на рисунок.

– Зверек это опасно, оставайся здесь, я пойду один, – сказал человек, погладив меня.

Он быстро встал, и направился в обратную сторону. Не понимая, что так резко повлияло на него, я остался на месте. Немного посидев, я все же решил последовать за ним.

Вскоре я его нагнал. И стал держаться позади, не попадаясь ему на глаза. По пути он собирал сухие ветки, связывая их в рубашу, и клал вязанку на спину. Вскоре показался обрыв, но здесь он был менее крутой. Можно было спуститься вниз. Человек, положив вязанку, и сел на нее, принялся наблюдать за лесом.

Мне стало интересно, и я решился к нему подползти. Тихо подбежав, я уткнулся ему в ногу. Человек, опустил голову, увидел меня.

– А-а-а, это ты дружок. Все же пошел? Ну, иди сюда, – взял он меня на руки.

– Смотри! Пожар притих, но сильно расползается. Из-за дыма почти не видно его силы. Ветер способствует распространению огня. Нам надо дожждаться, пока ветер задует в противоположную сторону. Тогда я подожду лес в стороне, ветер погонит огонь на пожар, и пожар будет поглощен пожаром. Если не получится, то мы его хотя бы ослабим.

Начинало темнеть. Ветер стих, дым вздымался до неба, закрывая собой облака.

Видя, что я засыпаю, человек положил меня на вязанку, где я и уснул. Человек отправился в лес, подготавливать все к встречному пожару.

Вернулся он только под утро. Когда я проснулся, рядом лежали корешки, и свежая вода, в изготовленной из коры изогнутой миске. Закусив и выпив водицы, я прижался к человеку и задремал, вместе с ним.

Через несколько часов человек проснулся, от легкого дуновения ветерка. Он стал дуть в нужную сторону.

Схватив вязанку, человек быстро спустился вниз, и направился вглубь леса. Я еле поспевал за ним. Треск и дым становились все ближе, но огня пока не было видно. Достигнув нужного места, человек положил вязанку, развязал, и начал разбрасывать ветки по округи. Пройдя вдоль намеченной им заранее полосы, он раскидал всю вязанку, накинуд рубаху, взял сухую ветку побольше, и, сказав:

– Жди здесь! – побежал в сторону пожара.

Через полчаса он вернулся с обугленной веткой, по которой еще пробегал огонек. Человек начал оббегать ключевые точки, и поджигать приготовленные кучи сухих веток. Огонь разгорался медленно. Но благодаря сильным порывам ветра стал потихоньку набирать силы.

Лесничий не стоял на месте. Постоянно бегая из стороны в стороны, подкидывал ветки, оббегая все участки. Снова и снова разводя огонь там, где он потухал.

Вскоре стало темно, но не из-за темноты, а из-за дыма, приближающего пожара, заволакивающего небо, своей серой едкой пеленой.

Наконец лесничий достиг намеченной цели. Всюду огонь разгорался, перекидывался на деревья, и подгоняемый ветром шел навстречу пожару.

– Через час они встретятся, надеюсь получиться. Теперь надо перекрыть путь огню с востока, – сказал человек, схватил меня и побежал.

Поднявшись на возвышенность, человек еще раз осмотрел всю ситуацию.

– С севера пожар будет отрезан. Теперь здесь, – сорвавшись с места, он быстро спустился и направился чуть дальше на восток.

Идя вдоль обрыва, лесничий, убедившись, что кучи расположены правильно, помчался за огнем. Прибежав, с очередной горячей веткой, он стал поджигать кучи. Здесь огонь быстро набирал силу, перерастая в пожар. Обратного пути на обрыв больше не было, всюду сзади разгоралось зарево огня.

Становилось все жарче. Не успели мы закончить начатое, как увидели подступающий огонь. Он приближался. Человек, ускорился. Теперь пришлось уклоняться в сторону, чтобы разведенный огонь, успел набрать силу, перед встречей с пожаром. Это было невыносимо, но человеку удалось развести огонь по всей линии, от горы до границы пожара на севере.

Возвращаться обратно не было возможным, путь на скалу был отрезан. Пятясь, мы направились прочь от огня.

Через некоторое время, до нас дошел треск и дым пожара.

– Этого не может быть! – воскликнул человек и обняв меня крепче, побежал в сторону дыма.

Перед нами предстало чудовищное зрелище. Стена огня полностью преградила нам путь. Она вилась с севера, и, огибая, поворачивала на восток.

– Он все же прорвался! Ветер гонит его обратно!

Человек мигом скинул рубаху, обернул ею меня, связал рукавами, и нацепил карман со мною на спину.

– Возвращаемся к скале!

Лесничий мигом развернулся и побежал обратно. Становилось трудно дышать. Человек повязал на лицо платок и продолжил путь. Вскоре пожар был уже в ста шагах справа и слева от нас. С запада полыхал разведенный лесничим огонь, с востока – прорвавшийся пожар. С севера, на пятки наступали языки пламени. Оказавшись с трех сторон зажатыми, человек лелеял надежду выйти из окружения с юга, ближе к скалам.

Но все надежды были разрушены, когда впереди показался огонь. Ближе к скалам трава оказалась сухой. Поэтому огонь здесь быстро перерос в пожар, распространяющийся во все стороны от скал.

Все пути были перекрыты. Человек остановился, нервно оглядываясь по сторонам. Всюду навигался огонь. Дым полностью закрыл небо, не давая дышать. Глаза стали слезиться от едкого дыма.

Человек стоял несколько минут, потом бросился бежать в одну сторону, затем в другую – всюду огонь полыхал и на земле и высоко в небе, перебравшись на верхушки деревьев.

Лесничий быстро оценил ситуацию. Огонь окружал нас со всех сторон, но всех меньше он шел с востока. Ветер гнал его на запад, не давая распространяться дальше на восток. Подбежав ближе к огню, лесничий начал расчищать землю от листвы, раскидывая ее в стороны, оставляя землю чистой. Пропахав, одинаковую по ширине полосу, он вел ее к центру, где начал как можно больше расчищать площадь.

Огонь дойдя по земле до расчищенной площади, немного затих. Но ветер и ужасная жара брала свое – огонь начал перекидываться на стволы деревьев, а оттуда на крону.

Понимая, что шансов на спасение мало, человек снял меня со спины, и начал лихорадочно рыть землю руками. Земля была мягкой, еще не успевшей стать сухой. Чем глубже рыл человек, тем сильнее она становилась влажной.

Вдруг с неба на нас посыпались огненные хлопья. Листва и хвоя, начала гореть и падать на землю. Понимая, что промедление – смерть, человек быстро развязал меня и посадил в небольшую ямку. Она была не глубокой, но в ней я как раз умещался с головой.

– Сиди здесь, – через кашель говорил человек.

– Огонь пройдет поверху, – прохрипел он сквозь кашель.

Не успел я ничего понять, как лесничий быстро накинул свою рубаху на яму, оставив только отверстие для воздуха.

Я был до такой степени испуган, истощен, плохо соображал от запаха дыма и гари, что очутившись в прохладной земле, мне стало плохо, и я потерял сознание.

Человек, сделав все что можно, упал без сил на землю, рядом с ямкой. Только быстро бегающие глаза, да раздражающий кашель, не давали лесничему потерять сознание.

Огонь подошел вплотную к нам. Крона продолжала разгораться. Воздух стал таким горячим, что даже в своей ямке меня всего жгло.

Очнувшись от боли, я высунул мордочку и увидел, что человек лежит рядом без движения. На его ногах загорелись штаны. Я тут же выбежал, и принялся тушить штаны лапами, сжигая последний мех на своих подушечках. Быстро потушив огонь, я хотел было бежать обратно, но все вдруг поплыло, голова закружилась, и я упал на ноги человеку.

Когда мы уже были на волоске от гибели, неожиданно, откуда ни возьмись, с неба полилась вода. Да так обильно, что полностью притушила огонь вокруг нас.

Очнувшись от резкого шума и охлаждения водой, человек открыл глаза. Еще не понимая, что случилось, он попытался пошевелиться.

– Огонь, он повсюду! – вдруг крикнул, вскочил человек.

Опираясь на руки, и сидя на земле, он почувствовал, что весь дымится, но не от огня, а от воды.

– Откуда... Вода!? – человек прислушался.

– Пожарный вертолет! Он как раз вовремя! – с облегчением сказал человек, и повалился на землю, смотря в небо.

Вспомнив обо мне, он повернулся, и почувствовал что-то в ногах. Он поднялся, сел и увидел меня.

– Ай, ты мой хороший, – человек увидел сторовшие штанины и манула рядом.

– Дружок, ты жив? Жив! Ты и вправду храбрец, уже какой раз спасаешь меня, – говорил со слезами человек, пытаясь привести меня в чувство.

Я потихоньку стал приходить в себя. Видя, что у меня приоткрылись глазки, человек тихонько взял меня на руки и еле идя, направился к скалам.

– Это пожарный вертолет, он прилетел вовремя. Потушил пожар, отрезал ему путь, и полил и нас. Нам просто сказочно повезло... Вертолет улетел... Но он вернется, так как пожар еще не потушен, – говорил человек, идя к скалам.

Дойдя до них, человек поднялся на уступ, почти в том месте, где и спускались. Поднявшись, он свалился без сил, и уснул. Я же слез с его рук, и лег рядом, больше не смыкая глаза, боясь новых невзгод.

Я не сводил глаз с леса. Пожар все же удалось остановить. Огонь полыхал лишь в некоторых участках, где не хватило воды, и где огонь не смог противостоять пожару. На севере пожара больше не было, только один дым. А вот с востока догорало все, что можно было поглотить огнем»

– Это было чудовищное зрелище. В те дни я воочию убедился, на что способен человек, в большей степени разрушать, и в меньшей мере – созидать, – сделал паузу Охва, явно о чем-то задумавшись, а все его слушатели с явной жадностью ожидали продолжения рассказа, но его все не было ни через полминуты, ни через полторы минуты.

Охва как будто уснул с открытыми глазами. Затихнув? он стоял неподвижно, не сводя глаз с одной точки.

Лисы и барсенки уже начинали терять терпение и уже хотели нарушить покой Охвы, но им не удалось это совершить, так как в следующую минуту в пещеру вошла мама-лисица.

– А вот и я! Простите, что задержалась, – молвила она и все лисята, кроме двух близнецов, кинулись к ней, тут же забыв про рассказ Охвы.

– Охва, надеюсь, с ними не было хлопот?

– Хлопоты, какие? – очнулся Охва. – Вот только немного приустал.

– Поняла, поняла! Ну, все детишки, идемте домой, там нас ждут утки, – увлекла за собой лисята мама-лисица.

– Я говорю, пора домой, – подошла она к близнецам, и, утягивая их за уши, молвила:

– Хватит с вас историй, пора бы дать Охве отдохнуть, – проговорила она на прощание, и отвесив поклон, вышла.

– Всегда пожалуйста! – ответил ей напоследок Охва, и хотел было идти отдыхать в свой уголок, но вдруг он бросил взгляд на Шусика, который был явно, чем-то огорчен, и казался очень печальным.

– Шусик, в чем дело? – подошел к нему Охва.

– Твой рассказ, он так печально начинается...

– Да Шусик, встреча с человеком, наложила на меня свой отпечаток.

– Я про другое.

– Понимаю.

– Скажи дедушка, было трудно сделать это? – спросил Шусик, и Охва задумавшись, вдруг с головою ушел в прошлое.

С самого утра Охва не находил себе места. Он метался из стороны в сторону, ни с кем не разговаривал и никого не хотел видеть. Вытапывая дорожку возле своей родной пещеры, в которой он родился, он с ужасом ждал наступления полудня.

И вскоре наступил тот момент, когда из пещеры вышли два его брата и мама. Это был день их расставания, который меньше всего хотелось вспоминать Охве, и уж тем более видеть

все это со стороны, сейчас, когда прошло столько лет. Но вопрос Шусика заставил его разыгравшуюся память, заглянуть ей в глаза.

Он стоял неподвижно, и смотрел, как два его брата быстро попрощались с матерью и не проронив ни капельки слез, направились в разные стороны. В то время, как он сам, все не мог остановиться.

– Сынок, – произнесла мама.

Охва молодой остановился, и одновременно со стареньким, по их щекам покатались слезы.

– Я понимаю, что тебе очень трудно сделать это... Но жизнь порой бывает не такой, какой мы ее представляем. Она преподносит нам свои испытания и вот оно – первое, – подошла к Охве мама и, обняв, продолжила.

– Ты должен, Охва, твоя судьба теперь в твоих лапках. Но как бы далеко ты не находился, помни, что я всегда буду любить тебя, и не покину тебя, чтобы не случилось!

– Я тоже люблю тебя! – в унисон произнесли оба манула.

– А теперь ступай, мир ждет... – отстранила мама сыночка, и, заглянув в глаза Охвы, потрепала его лобик лапкой, и нежным толчком лапки, направила его вперед.

Охва, не сводя глаз с матери, вначале медленно, затем все ускоряясь, направились вперед, даже не смотря куда бежит, все смотрел через спину на маму, которую как он понимал, ему уже не суждено больше увидеть.

– Ма-ма! – тихо простонал старенький Охва, протягивая лапу, к ней, а та, проводив сына в жизнь, вдруг повернулась и заглянула прямо ему в глаза.

– Я всегда буду с тобой! – произнесла она, и это было так реально, что от резкого прикосновения Шусика, он вздрогнул.

Утирая слезу, оглядываясь по сторонам, Охва с хрипотцой и дрожью в голосе молвил:

– Очень! – тихо прошептал он, и заглянув Шусику в глаза, в свою очередь спросил:

– А ты Шусик помнишь, как это было с тобой?

На что барсенок, опустил взгляд, его очи прикрылись, брови нахмурились и он, еле сдерживая себя, ответил сухо, и коротко:

– Нет!

На что Охва, решил больше не продолжать расспросы, и тихо удалился к себе. А Шусик еще долго не шевелился, сидя на земле, сгорбившись, с закрытыми глазами, и оголенными когтями передних лап, которыми он вцепился в землю, и не отпускал ее до последнего.

III Иванов кот

Вечером сего же дня в ожидании продолжения рассказа, к Охве прискакали пара лисят, и сразу нарушили тишину и покой, царивший у него.

Понимая, что они не успокоятся, пока не услышал продолжения, Охва вышел из своего угла, и широко зевая, молвил:

– Думаю, вы здесь по одной причине? Вы хотите услышать продолжение.

– Очень хотим! – в один голос звонко молвили близнецы.

– А ты Шусик, готов услышать продолжение? – обратился он к барсенку, который казался очень задумчивым, и даже не поднялся встретить своих друзей, как делал обычно.

– Да, дедушка, продолжайте! Только этим я и живу! – ответил он, последние слова, сказав с печальной ноткой.

– Твое время еще придет Шусик, а пока слушайте дальше...

«Вскоре в воздухе послышался шум, похожий на частое постукивание дятла, в небе показалась черная точка. Она становилась все больше и больше. Когда она оказалась над пожаром, эта машина сбросила воду. Вертолет уже собирался улететь. Делая разворот над очагом пожара, он пролетел мимо нас.

Зная, что это важно, я начал будить человека. И кое-как растормошил его. Увидев в небе вертолет, не в силах закричать, так как в горле все пересохло, он протянул одну руку, опираясь на другую, и принялся махать ею.

Сделав разворот, вертолет еще раз пролетел над нами. Он заметил нас. Стал резко разворачиваться и идти на снижение, прямо на долину выступа, покрытую небольшими кустарниками.

– Не бойся, дружок, они помогут нам, – сказал человек, прижимая меня к себе.

Вертолет сел неподалеку. Вскоре показались два человека, одетые в такую же одежду, как и лесничий. Подбежав, они положили нас на носилки, и понесли в сторону вертолета.

– Он с тобой? – спросил один из них.

– Ему нужна помощь, везите нас сразу на базу, – сказал лесничий.

– А как же больница? Ты весь в ожогах!

– Сначала он, потом я, – настоял на своем лесничий.

Погрузив нас в вертолет, он взлетел.

– Вы, Иван? – спросил летчик.

– Да, – ответил лесничий.

– Мы вторые сутки вас ищем. А сегодня увидав пожар, нам пришлось прекратить поиски.

Мы думали уже вас не найти...

– Вы вовремя ребята, – ответил лесничий.

Весь перелет мы лежали в полусне, ни обращая внимание, ни на что.

Вертолет начал снижаться ближе к вечеру, когда солнце стало прятаться за верхушками деревьев, окрасив небо в красный цвет.

Когда вертолет сел, лесничий слез с носилок и сам понес меня.

– Спасибо ребята еще раз! – сказал он на прощание, унося меня в стоящий неподалеку от места посадки деревянный дом.

– Ему нужна помощь, – сказал лесничий, войдя в дом.

Люди, находившиеся в доме, кинулись встречать Ивана.

– Где ты пропадал?

– Мы искали тебя! Я нашел твою лодку, а тебя нет. Я ждал, пока не заметил пожар.

– Почему ты не в больнице, тебе нужна медицинская помощь?!

– Помощь нужна ему, – перекричал всех Иван.

– Этот зверек не раз спасал меня, я ему обязан. Семен, Надя, вы так и будете стоять, или поможете?!

– Дай, я посмотрю, – сказал Семен, – Надежда аптечку, Иван неси его в операционную, мы сейчас.

Иван тут же побежал в другой домик, находившийся рядом со штабным. Туда же прибежали Надежда и Семен.

– Положи его на стол, Надя, дай обезболивающее, – сказал Семен.

Надежда вынула тюбик с некой жидкостью, и наполнила шприц. Семен протер мне ваткой лапу, а Надежда вколола укол. Почувствовав иглу, я испугался. Но меня успокаивал Иван, не выпускающий меня из рук.

– И досталось же ему, – подметил Семен.

– Мы многое пережили за эти дни. Как он? – взволнованно спросил Иван.

– Жить будет! Надя дай мазь от ожогов, и бинты. Самое главное, чтобы в раны не проникла инфекция.

– Я обмазывал его разжеванной травой, и себя тоже, – сказал Иван.

– Это хорошо, – говорил Семен, нанеся мазь на мои ожоги.

– На нем нет живого места, Надя, дай второй тюбик.

Надежда дала второй тюбик, который Семен также весь израсходовал.

– Теперь осторожно, помоги мне забинтовать его. Приподними, – обратился Семен к Надежде.

Меня стали обматывать с ног до головы бинтами.

– Иван посмотри, у нас есть что-нибудь противовоспалительное, – сказал Семен.

– Есть только капли, – нервно, обыскивая аптечку, отвечал Иван.

– Плохо, Надя разбавь весь тюбик в воде и налей манулу в миску, Ивану тоже.

Надежда сделала все быстро. Они тихонько положили передо мной миску, от которой странно пахло.

– Пей дружок! Смотри, я пью, – сказал Иван, осушив стакан с лекарством.

Я доверял ему, и поэтому без страха выпил.

– И это все? – спросил Иван.

– У нас больше нет ничего, – ответил Семен.

– Тогда поехали в больницу, возьмем там все что нужно, – уже собираясь, проговорил Иван.

– Семен скажи – с ним все будет в порядке? – обернулся на меня Иван, почувствовав некую усталость.

– Ваня, клянусь тебе, с ним все будет хорошо! – ответил Семен.

– Надя покорми его, напои, устрой прямо здесь.

Надя без возражений стала выполнять все сказанное.

– Пошли Иван, тебе самому нужна помощь! – обратился к нему Семен.

Оба вышли из хижины, сели на вертолет, и полетели в сторону ближайшего поселения с больницей.

Я, оставшись с Надей, был ею накормлен и напоит. Место для ночлега она устроила из одежды, положив меня на нее, и накрыла с головой. Высунув мордочку, я почувствовал покой и уснул».

Не успел Охва как следует разогреться, как его на полуслове прервала мама-лисица, вбежавшая внутрь:

– Вот вы где, а я вас везде обыскалась.

– Прости, это моя вина, – оправдывался Охва.

– Не извиняйся Охва, впереди я буду с ними построже, – серьезно молвила лисица, выдвоя
рая обоих близнецов на улицу.

А Охва с явным сочувствием за малышей, которым теперь будет не сладко, проводил их
взглядом, а затем обратился к Шусику.

– Ну что Шусик, хочешь я продолжу!

– Да дедушка, только...

– Да говори, не бойся!

– Не мог бы ты упустить ту часть рассказа, где присутствуют люди!

На что Охва проницательно взглянул на барсенка, и не замедлил дать ответ.

– Я постараюсь Шусик.

«На следующий день, я был разбужен голосом Ивана:

– Сейчас мы промоем тебе раны! А это точно не опасно?! – спросил он стоявшего рядом
Семена.

– Иван, если не промыть, возможно заражение.

С этими словами он стал снимать с меня бинты.

– Надя, дай воду! – взяв вату и смочив ее, Семен начал смывать мазь.

– Мазь смыта, теперь промоем раны, – намочив другую ватку, он поднес и приложил
к моим ранам.

Я почувствовал резкую жгучую боль, и начал вырываться.

– Семен, прекрати!

– Иван, у тебя есть другое средство?

– Кажется, есть! Надя принеси мои сборы, они в хижине.

Надя через несколько минут вернулась с небольшим ящиком. Открыв его, Иван стал,
перебирать травы и корни.

– Вот эти лучше, – сказал Иван и начал пережевывать выбранные травы.

– Не буду спорить, – сказал Семен. – И если не возражаешь, мы с Надей дадим ему
инфекционный раствор.

Получив разрешение, Семен и Надя принялись все подготавливать.

– Я буду его держать, а ты коли, – сказал Семен Наде.

– Давайте я, – сказал Иван.

– Дружек, потерпи немного, это больно, но это для твоего же блага, – прошептал мне
на ухо лесничий.

Иван зажал меня между рук, Семен наполнил шприц раствором и вколол его мне в спину.

– Иван, он и вправду смелый зверек, вытерпел! – сказал Семен, готовя второй укол.

– А сейчас я введу ему сыворотку для укрепления иммунитета.

– Иван, все же ты зря не остался в больнице, – говорил попутно Семен, – Видишь, с ним
все в порядке.

– Как только я в этом буду уверен, я лягу на лечение, – ответил Иван, разжав руки,
тихонько поглаживая меня.

– Отпускать его сейчас опасно, ожоги очень сильные, не проживет и дня, – прошептал
Семен, осматривая меня.

– Дружек, придется тебе пожить у нас некоторое время, – обратился ко мне Семен.

– Семен посели его в один из вольеров, устройте его как следует.

– Не волнуйся Иван, с ним все будет в порядке. Мы с Надей обо всем позаботимся.

Пошли, ты сам выберешь ему новый временный дом.

Иван и Семен вышли, через несколько минут они вернулись.

– Лечись столько, сколько нужно!

– Не больше двух недель. Ты же знаешь Семен, их нужно поймать, пока они еще дел не натворили.

– Знаю, Иван, мы подключим всех на их поиски! Этими сволочами заинтересовались даже в Яйлю!

– Интересно, сами дали разрешение, а теперь на попятную?!

– Не вини всех Иван, ты же знаешь, заведется одна паршивая овца!

– Если бы одна! С каждым годом их все больше!

– В этом ты прав! Ну не будем сейчас об этом, – закончили живую беседу Иван и Семен, быстро входя в дом.

– Мы нашли для тебя новый дом! – сказал Иван, беря меня на руки.

– Не волнуйся это на время!

– Как тебе и сказали в Чири, тебе надо в Яйлю, там госпиталь. Там же ты встретишься с представителями закона. Я договорился с летчиком, он отвезет тебя, перед вылетом на пожар!

– Пожар так и не потушен!?

– Нет, но нам обещали прислать еще вертолет из Беле и самолет из Яйлю. Совместными силами потушим!

– Да-а-а, – грустно протянул Иван. – Пока все договорятся, от леса ничего не останется.

– Ну, вот мы и пришли! – остановил его печальные раздумья Семен, подходя к вольеру.

– Это больше походит на клетку, – начал Иван, сам открывая решетку.

– Но не бойся, это только на время! – спуская меня с рук, продолжил он.

– Я уезжаю, но обязательно скоро вернусь, о тебе позаботятся Семен и Надежда! Ну, ступай, и смотри, чтобы к моему приезду поправился! – погладил он на прощание меня и потрепал за ухо, с улыбкой на лице.

– В этом вольере раньше были лисы, есть нора, место для игр. Мы будем каждый день его мазать мазью от ожогов, и кормить свежим мясом, – начал Семен, видя, как загрустил Иван.

– Спасибо тебе друг! – хрипло сказал Иван, и хотел было сделать шаг, но не выдержал и упал.

– Иван что с тобой?! Надя скорей сюда, нужна помощь! – закричал Семен, видя, что Ивану стало худо.

– Что с ним?! – выбежала на крик Надя.

– Помоги его поднять! Так, облокотись на меня, Ваня! Я говорил ему надо оставаться в больнице, – бурчал себе под нос Семен.

– Несем его к вертолету, ждать больше нельзя. Беги, скажи летчику, пусть все готовит к вылету, срочно!

Надя быстро побежала. Семен с Иваном, повисшем на его плече, направились следом. Вскоре они исчезли из виду, свернув за дом. Вслед за ними послышался звук заводимого вертолета. Через несколько минут он взмыл в воздух и исчез за верхушками деревьев.

Я еще долго сидел и смотрел вслед удаляющемуся вертолету. А когда все звуки стихли, я долго не приходил в себя. Единственный человек, который проявил ко мне доброжелательность, человек спавший лес от лесорубов, человек к которому я привязался, был в опасности, а я ничего не мог сделать для него. Я знал, он пожертвовал своим здоровьем ради меня. И теперь оказавшись наедине с самим собой, со своими страхами, запертый в замкнутом пространстве, я почувствовал, что остался совершенно один, без дома, без семьи, без друга – лесничего.

Поняв, что прошлое мне не изменить, я решил свыкнуться с тем, что остатки жизни проведу здесь, так и не увидев родных мест. Поникнув головой, я тихо побрел в свою новую пещеру. Забравшись в нее, я уснул, в надежде больше не проснуться.

Не знаю, долго ли я спал, но был разбужен, когда меня вытаскивали из норы.

– Он жив, а ты зря паникуешь! – послышался голос Семена, берущего меня на руки.

– Два дня он не выходил из норы, не отзывался, и ни прикоснулся к еде, – говорила взволнованно Надя, – Я уж думала, все...

– Выглядит он неважно, как давно ты накладывала ему мазь?!

– Я боялась его потревожить и...

Семен, ничего не сказав, быстро направился в дом, неся меня на руках, прижимая к своей груди.

Там меня обмазали, перебинтовали, снова вкололи витаминный раствор.

– Ну что же ты малыш, хочешь расстроить Ивана?! – проговорил тихо Семен, закончив со мной.

– Через пару недель он вернется, и сам отпустит там, где и подобрал! – успокаивающе закончил Семен.

– Ну как там Иван? – поинтересовалась Надя.

– Не здесь, – ответил ей Семен, отнес меня обратно в вольер, и, закрывая решетку, отвечал Наде тихо, чтобы я ненароком не услышал.

Он что-то прошептал Наде, показывая два и три пальца, указывая на кожу и нос. Но о чем именно он говорил, я не слышал. Когда они удалились, я позабыл про их непонятное перешептывание, не придав ему особого смысла.

Немного приободрившись, что Иван скоро приедет и заберет меня отсюда, я набросился на приготовленную для меня еду в мисках. Полностью их подчистив, я сел в центре вольера и начал все осматривать.

Мой дом оказался не таким уж маленьким, как на первый взгляд показалось. Вся местность была огорожена мелкой сеткой, больше человеческого роста в высоту. Ворота были сделаны в виде калитки, закрывающейся снаружи. Вольер прилегал вплотную к другим, деля с ними боковые стенки. Мой новый дом был самым крайним, поэтому делил только одну стенку.

Вся местность природоохранной базы была очищена от растительности. Площадь ее была не велика. Сидя в клетке, я охватывал взглядом всю южную часть базы. Сама она находилась вдоль русла реки Чулышман, с юга виднелось разветвление, ведущее на восток, замыкая базу с юга. С запада и севера виднелся лес, поднимающийся все выше.

Напротив моего вольера стояли деревянные срубы, сделанные куда лучше и надежнее, чем у лесорубов. Ближайшим ко мне был домик, где меня лечили. За ним – еще один, служивший жильем для людей. Чуть севернее от него, виднелся еще один дом, более грубый с виду, но больше по размерам. Он находился у реки, и служил складом. В самом центре площадки стояло большое здание, то в которое забежал Иван, как только мы прибыли сюда. Это был штаб, место координации всех действий. От здания ко всем остальным тянулись провода. За штабом находилась площадка, куда садился вертолет, но эта местность была для меня вне поля видимости.

Каждый новый день, мало чем отличался от множества предыдущих. Вставая с зарей, я садился у ворот и ждал. Люди вставали рано. Покормив меня, они отправлялись по своим делам. И постоянно были на ногах. То возились на базе, бегая взад и вперед. То отправлялись по реке на лодке вниз и вверх по течению. Часто прилетал вертолет, но тут же улетал, не задерживаясь. Около полудня меня лечили. Видя, что я стал питаться, уколы перестали делать. После процедур, меня кормили. Ближе к вечеру ко мне приходил Семен, постоянно повторяя, что Иван скоро вернется.

Так прошла неделя, за ней вторая, вскоре я потерял счет дням. Мне казалось, что прошла целая вечность. Ивана так и не было. Меня перестал навещать Семен. В лечении я больше

почти не нуждался. Только раз в два-три дня ко мне приходила Надежда, заходила в клетку, осматривала и уходила.

Я понял, что все это не случайно, и возможно я больше никогда не увижу Ивана. Весь мир снова стал для меня серым, а мой вольер – клеткой, в которой мне суждено умереть.

Прошло еще сколько-то времени, пока вдруг все стало резко меняться. До того тихий, спокойный ритм жизни на базе был нарушен. Люди уезжали вечером, возвращались утром, постоянно принося с собой мешки, а в руках металлические капканы. Раз в два дня прилетал вертолет, и люди грузили в него большое количество мешков и ящики с капканами. Вскоре мне удалось узнать, что происходит. Проходя мимо вольеров, я расслышал часть разговора Семена с Надей.

– Всего у нас их десять, – говорил Семен.

– При необходимости можно сделать еще, – отвечала Надя.

– Какой смысл, если все умирают раньше, чем мы их находим.

– Эти браконьеры, потеряли всяческий страх!

– Это точно! Мало того, что начался охотничий сезон, так они умудряются забрести, по их словам, «чуть в сторону»!

– Вдоль восточного побережья вообще нельзя охотиться! Эта заповедная территория!

– Как будто они этого не знают! Каждый год одно и то же. Мы их ловим, а уже к следующему году они свободны!

Больше мне ничего не удалось услышать. Осмотрев вольеры, люди отправились в штаб.

Этой же ночью я был разбужен приближающейся моторной лодкой. Выйдя из пещеры, я увидел, как Семен быстро выбежал из дома, и сев в нее, направился по течению на север. Все это произошло так быстро, что я мало придал этому значения. Да и за последние дни люди, так часто уезжали, что я привык к этому.

Но утро оказалось не совсем таким, как прежде. После того как солнце поднялось, Надежда, выбежав из штаба, начала бегать взад и вперед, из одного дома в другой. Это продолжалось до тех пор, пока на реке не появился Семен. Услыхав шум приближающейся лодки, Надя выбежала навстречу. Сойдя на землю, Семен что-то несет на руках, аккуратно закутав в свою куртку. Подбежала Надя. Семен кивнул ей головой, что-то сказал, и оба быстро направились в дом, где меня лечили. Весь день до самого вечера, Семен и Надя не выходили из него, лишь изредка выбегала Надя, и тут же возвращалась назад.

Вечером Семен и Надежда вышли, и направились в мою сторону.

– Семен, хорошо, что ты успел вовремя!

– Еще бы пару минут и его бы взяли!

– А к чему он им сдался?!

– Они охотились на его мать! Эти гады даже и не знали, что у нее есть детеныш!

– Теперь будут знать!

– Мы гнались за ними километров десять! Сами того не ведая, они привели нас к своему лагерю. Мы притаились и стали ждать, но совершили ошибку.

– Какую?!

– Браконьеры решили проверить капканы, а когда прозвучал выстрел, было уже слишком поздно! Подбежав, она уже была мертва! Браконьер, увидев меня, решил бежать, но не успел. Повязав всех охотников, я вернулся к убитой, и увидел его. По-видимому, он попал в капкан, а мать прикрыла его собой, когда пришли охотники. Она умерла, спрятав его от глаз убийц, – Семен остановился, рядом с моим вольером.

– Думаю, этот вполне подойдет!

– Но он еще слишком мал, чтобы даже самостоятельно питаться!

– Попробую кормить его с соски! Это единственный выход, иначе малыш может умереть! – печально произнес Семен, и, развернувшись, медленно побрел в дом.

– Следи за ним, ему нужен уход! Сегодня пусть спит в доме, а завтра на свежий воздух, – это было последнее, что я расслышал, сказанное Семеном.

Весь оставшийся вечер и всю ночь, мне думалось. Я просто не мог глаз сомкнуть. Ближе к утру я провалился в сон. Проснулся, когда уже было светло, от голоса Надежды:

– Вот малыш, это твой новый дом. Ну не бойся, иди. Я буду навешать тебя.

Дождавшись пока Надя уйдет, я вылез из норы. Удивительно, но мне тогда было не по себе, я испытывал волнение и страх. Подойдя к смежной стенке, я начал искать взглядом соседа, но ни кого не найдя, тихо прошептал:

– Малыш, не бойся, покажись! Я тебя не обижу!

Ответа не последовало. Я начал ходить вдоль стенки, не отрывая глаз от соседнего вольера. Там в углу лежала коряга, за которой, я уверен, и спрятался зверек. Вскоре я заметил кончик хвоста, мелькнувшего за ней.

Я сел и начал прислушиваться. До моего слуха доносилось тихое сопение, и непонятное бормотание. Тут я вспомнил все, что случилось со мной, после встречи с человеком. Боль, страх, ненависть, жалость – все чувства нахлынули на меня. Не в силах с ними бороться, я начал неистово рыть подкоп под стеной, в дальнем углу. Я рыл как безумный, мне казалось, что это правильное решение, хотя толком и не знал что, предприму, попади в соседний вольер.

Верхний слой земли был пористым. Углубившись, она стала сырой и вся в корнях. После часа упорного труда, сломанных когтей на передних лапах, мне удалось вырыть проход. Довольно просторный, в котором я смог поместиться. Быстро шмыгнув в него, я очутился в соседнем вольере.

Ступая на цыпочках, тихо подзывая зверька, я медленно приближался к коряге. Подойдя к дереву вплотную, я остановился, прислушался – тишина. Обойдя ее с боку, я заметил рыжеватый комочек шерсти. Приблизившись к нему, я увидел, что зверек весь дрожит, уткнувшись мордочкой под дерево. Подойдя к нему вплотную, я понял, что это маленький рысенок. Вспомнив, что говорил Семен, я тихо сел рядом с ним, и положил лапу ему на спинку, и тихо провел по ней. От прикосновения рысенок вздрогнул.

– Не бойся меня, я не обижу тебя!

Почувствовав, что ему не угрожают, и, услышав тихий голос, зверек высунул мордочку из-под коряги. Я до сих пор помню, как он посмотрел на меня тогда. Его большие широко открытые глазки, были все в слезах, молили о помощи и сострадании. Они заглянули мне прямо в душу. От его взгляда у меня так сильно сжалось сердце, что я не выдержал и прижал рысенка к себе. Уткнувшись в меня, он продолжил смотреть мне в глаза. Он судорожно дрожал, стараясь что-то произнести.

– Понимаю, – тихо произнес я.

– Ма... ма, – судорожно сказал рысенок, и, уткнувшись, заплакал горькими слезами.

Я лег, закрыв малыша своим хвостом. Из глаз моих потекли слезы. Мне стало так его жалко, что я взял с себя слово помочь всем, чем смогу.

Вскоре я услышал шум приближающихся шагов, а за ними тишину прервал скрежет открывающейся калитки. Послышался знакомый голос Надежды, звавший рысенка к себе. Я хотел было ринуться к себе, но посмотрев на, наконец уснувшего котенка, решил остаться.

Надя, не дозвавшись рысенка, направилась к коряге. Тихонько отодвинув дерево, Надежда увидела меня, и спящего рысенка, уткнувшегося в мой мех. Ничего не сказав, она попятилась, закрыла калитку, и побежала в штаб. Через несколько минут она вернулась с Семеном.

– Дай-ка я посмотрю!

– Они здесь.

– Вот ты где, – шептал Семен, увидев нас.

– Ах ты, нянька, – продолжал он в полголоса, присаживаясь рядышком.

– Ну, молодец, молодец, – погладил он меня.
– Ты оставишь их вместе?! – спросила Надежда.
– Малышу нужна поддержка. Вместе у них больше шансов выжить. А сейчас ему надо на лечение, – тихонько беря рысенка на руки, сказал Семен.
– Его надо было назвать не Паласов, а Иванов кот, – усмехнулся Семен, закрывая ворота.
Через некоторое время котенка принесли обратно.
– Ты позаботься о нем! – сказала Надя, отпуская его из рук. – У вас с ним общая судьба, оба вы пострадали от рук человеческих.
Рысенок, очутившись на земле, увидав меня, неуклюже, хромая на обе задние лапки, побежал ко мне.

Если честно, то за все время, проведенное у людей, я перестал чувствовать неуверенность в завтрашнем дне. Рысенок, которого звали Ярси, стал для меня центром всего мира. Я так привязался к нему, а он ко мне, что я считал его своим сыном. Со временем у него стали заживать душевные раны, он стал более подвижным, веселым. Я всеми силами старался научить его всему, что знал и умел. Я даже почти забыл про Ивана, хотя нет... Я просто нашел существо, которому я был также не безразличен.

Я лелеял надежду, что все же увижу лесничего. Время шло. День за днем, неделя за неделей. Я был так занят рысенком, что не придавал особого значения течению времени. Но все же, я видел, как природа вокруг меняется. На смену весны – пришло лето, затем прошло начало лета, затем середина, и вот наступил конец лета. Время, когда листва еще зелена, но в воздухе уже веет осенним свежим ветерком, идут дожди, лес становится менее оживленным. Все готовится к наступлению осени, а затем и зимы.

За время, проведенное вместе с малышом, он подрос, окреп, и стал уже выше меня ростом. Он научился всему, что я мог ему дать, и даже больше. Я очень желал, чтобы он однажды увидел настоящую природу, в своем нетронutom великолепии. Я мечтал, чтобы мы вместе оказались там – на свободе, где дуют вольные ветра, и где нет человека, с его жадой все уничтожить.

Однажды моей мечте удалось стать явью. Это произошло в начале осени. В один из теплых осенних дней, мы как обычно проводили время вместе, в вольере Ярси. Я спокойно лежал и грелся на солнце. Ярси не сиделось на месте. Он прыгал, бегал, пытался меня расшевелить, цепляя лапами за хвост, затем прятался за корягой, чтобы я пошел его искать. В этот день на меня нахлынули воспоминания, не хотелось ни играть, ни двигаться. Молча, я смотрел в сторону реки, слушая, как ветер шелестит листвой, и течет река. Безмятежное течение времени было прервано шумом приближающейся лодки. Я немного поднялся, но увидев Семена, выходящего на берег, я лег дальше. Не успел я снова впасть в дрему, как из штаба выбежала Надя, крича во все горло:

– Иван, он приезжает! Сегодня будет!
– Это правда?! Иван! Во сколько?! – подбежал к ней Семен.
– К полудню будет!
– Приготовь что-нибудь этакое, к его приезду.
Надежда побежала оповещать остальных. Семен направился в мою сторону.
Услыхав, что Иван сегодня приедет, я был крайне взволнован. Словно волна воспоминаний накрыла меня с головой, и теперь я барахтался, пытаюсь выбраться.
– Дружек, у меня хорошая новость для тебя... – начал Семен, подходя к сетке, и смотря на меня, продолжил:
– Иван сегодня возвращается! Ты помнишь его? Вижу, вижу, что не забыл! И я уверен, что он не забыл тебя, ты же его Иванов кот!

Семен задумался.

– Ну ладно, мне пора, – закончил он и направился за Надеждой.

Ярси, спрятавшись, увидав человека, вылез из своего укрытия.

– Пап, что случилось?! – спросил он меня.

– Иван возвращается, – вырвалось у меня.

– А кто это?

– Это человек! Нас многое связывает. Я думал он уже не приедет...

– Человек?! – испуганно повторил Ярси.

– Он не такой как все, Ярси, – увидав, что рысенок обиженно отворачивается, и уходит, я продолжил:

– Не сердись, Ярси! Я не рассказал тебе о нем, потому что боялся, что ты...

– Вспомню свое прошлое, – отвечал грустно рысенок.

– Я все помню, все до мельчайшей подробности! То утро, капкан, человека...

– Но Ярси, послушай, мне очень жаль, что я утаил от тебя это...

– Значит все, что ты мне говорил раньше – ложь!

– Нет, конечно, нет! Я правду попал в пожар и был обожжен, но все это время я был не один... – видя, что Ярси по-прежнему не верит мне, я старался всячески его разубедить.

– Ярси, посмотри на меня! Когда ты попал сюда, ты был один, несчастный и беспомощный. С самого первого дня я очень сильно привязался к тебе, ты стал мне как сын!

– А ты мне, как отец! – отвечал Ярси, тронутый моими словами.

– Может, тогда расскажешь мне, все как было на самом деле, – продолжил рысенок, сев рядом со мной.

Тогда я все ему поведал: про лесорубов, лесничего, про пожар, про то, как попал сюда.

Я закончил рассказ уже под вечер.

Наступила тишина. Ярси лег на корягу, я лег рядом на земле. Вскоре тишину нарушил звук приближающегося вертолета.

– Это он? – тихо спросил рысенок.

– Да, это он!

– Ты уйдешь?

– Нет! Мы не расстанемся!

– Ты останешься здесь?!

– Нет Ярси! Мы отправимся на свободу вместе!

– Ты знаешь, это невозможно! Выращенный в неволе, я не выживу там!

– Ярси, вместе мы сможем, поверь мне!

Разговор наш был прерван вертолетом, шум которого делал невозможным продолжение нашей беседы. Вскоре вертолет сел. Шум стих. До нас стали доходить радостные крики Надежды и громкое приветствие Семена.

Я подошел к решетке, и начал вглядываться, выискивая взглядом Ивана. Вскоре он показался. Он шел прямо ко мне, в окружении Семена и Нади.

– Может сначала в дом? – послышался звонкий голос Нади.

– Нет, я должен его увидеть! – услышал я знакомый голос Ивана.

– Успеем попробовать твою стряпню, а пока... – сказал Семен.

Увидев меня, Иван заулыбался, и ничего не говоря, подошел к вольеру.

– Мой Дружочек, как ты здесь, выздоровел? – открывая дверь, говорил мне Иван.

Меня резко обуял страх, и я начал пятиться.

– Что ты? – присаживаясь, спросил Иван.

– Может он забыл тебя?! – сказал Семен, стоящий вместе с Надей снаружи.

– Нет, я знаю, что не забыл! – протягивая руки, он начал подзывать меня к себе.

Медленно, принюхиваясь к новым запахам, еще сомневаясь, небольшими шажочками, приблизился я к Ивану. И стал обнюхивать руки. Когда почувствовал приятное почесывание за загривком, я растаял и начал тереться об его ноги.

– Что я вам говорил!? – заулыбался Иван.

– Ты жив, здоров и это самое важное. Зверек я очень виноват, меня не было три с лишним месяца, для тебя это около года. Я лишил тебя лета, свободы, оставил тебя одного...

Иван взял меня на руки.

– Простишь ли ты мне все это?! Вижу что простил!

Проговорил он с улыбкой, когда я стал лизать ему руки и покусывать его косточки.

– Просто ожоги оказались сильнее, чем я думал. В больнице пролежал два месяца, находясь на волоске от смерти. А как только встал на ноги, отправился на поиски поджигателей. И знаешь что?!

Иван начал шептать мне на ухо:

– Мы все-таки их поймали! Теперь они больше не будут губить природу!

– Семен, он полностью поправился? – подняв голову, и продолжая гладить меня, спросил Иван.

– Здоров как буйвол! И кстати твой Иванов кот, год своей жизни зря не провел.

– В смысле?

– Два месяца назад мы спасли рысенка, его мать убили браконьеры, а сам он чудом уцелеем. Ее состояние было крайне тяжелым, еле спасли лапы, капкан глубоко изранил их. Малыш отказывался пить молоко из соски. И если бы не твой кот, он бы погиб!

– Молодец, ты усвоил основной закон природы – взаимопомощь! Она способна спасти многих, в том числе и человека, – сказал Иван, смотря мне в глаза.

– А где он сам?

– Вон он, за корягой! Людей он побаивается, – отвечал Семен.

– Красивый, уже подросток! – немного подумав, продолжил:

– Жесткую пищу ест?!

– Ест понемногу, но от молока еще не отказывается.

– Жалко, – Иван положил меня на землю.

– Ну, беги, я скоро приду, и мы отправимся в твои родные места.

– Иван ты уверен?! Он прожил в неволе все лето.

– Семен, это же Иванов кот, – улыбаясь, ответил Иван, закрывая калитку.

– Как и я, оказавшись на воле, он быстро войдет в свой привычный ритм.

Трое людей отправились в штаб, громко радуясь встречи.

– Он ничего не сказал про меня?! – промолвил Ярси.

– Он берет только тебя!

– Ярси, мы отправимся вместе! – коротко ответил я.

Через несколько часов, Иван, Семен и Надя вышли из дому, и направились в нашу сторону.

– Ну, дружок, пора отправляться, иди сюда! – сказал Иван, открывая ворота.

Я обрадовался и с разбегу прыгнул ему на руки. Иван тут же развернулся, и собирался закрыть калитку. Мои опасения оправдались, он брал только меня. Приняв решение, я выскок из рук Ивана. Забежал обратно в вольер и встал рядом с Ярси.

– Ну, ты что? – заходя в вольер, сказал Иван.

– Он боится.

– Нет, Семен. Ну, дружок, это я, пошли, твой дом он ждет тебя!

Я уставился на Ивана, сидя рядом с рысенком, который уже принялся грустить и опустил голову.

– Дружек я не могу, – догадался, в чем дело Иван.

– Ты вырос там, а он еще слишком мал для этого.

Я не двигался с места.

– Дружок, это последний шанс! Ты идешь? – спросил Иван.

– Значит, ты так решил, – сказал печально Иван, отворачиваясь.

Он встал в дверях. Понимая, что все кончено, я лег рядом с Ярси.

– Я остаюсь с тобой! – тихо сказал я.

Немного постояв, Иван вышел из вольера.

– Семен закрой калитку, – проговорил он и направился в штаб.

Семен, не задавая вопросов, подошел к калитке, и стал медленно ее закрывать. Скрежет, издаваемый калиткой, был столь протяжный, что этот миг казался вечностью. Видя, что калитка закрывается, я так же медленно закрывал глаза. И так же медленно Ярси взял меня в зубы и поволок к выходу.

Когда калитка уже почти была закрыта, Иван обернулся. Увидев, как рысенок тащит меня, упирающегося всеми лапами об землю, к выходу, он подбежал и остановил Семена.

– Стой! – крикнул Иван.

– Что ты делаешь? – проговорил я, подняв на рысенка глаза.

– Иван ты же не... – видя, что Иван настроен всерьез, Семен опустил на нас глаза.

– Он прав, я вырос здесь и не выживу на воле, а ты... Ты не должен так поступать, – говорил Ярси.

– Нет, малыш, чтобы не случилось, ты должен знать, что ради тебя я готов пожертвовать свободой! – упирался я.

– Иван ты так же безумен, как и твой Иванов кот! – улыбаясь, проговорил Семен.

– Ты прав дружек, – взглянул на нас обоим Иван.

– Вместе вам это по силу! Отправляемся немедленно! – зашел в вольер Иван.

– Семен возьми рысенка.

Семен тихонько поднял Ярси на руки, и мы направились к вертолету.

Прожив здесь столько времени, меня вдруг охватила тоска. Мне не хотелось расставаться с базой, со своим вольером, с Семеном и Надей.

Очутившись в салоне вертолета, я вспомнил тот день, когда мы чуть не погибли в пожаре, потом как летели сюда с Иваном. Тогда я не задумывался о будущем, я жил тем мгновением. Теперь мне стало страшно за себя, за Ярси, за наше общее будущее.

– Позаботься о рысенке, – сказала на прощание Надя.

– Пока! – утерла она слезу со щеки.

Дверь вертолета захлопнулась. Он начал подниматься в небо. В салоне Иван и Семен устроились, что бы нам было поудобнее. Весь полет они разговаривали о поджигателях, браконьерах и лесорубах.

Летели мы не очень долго, не больше двух часов. Вскоре Иван показал летчику, где садиться. Вертолет сделал круг и начал снижаться. Когда мы сели, Иван и Семен вышли из него с нами на руках. Мы оказались на открытой местности, поросшей мелкой растительностью и кустарниками.

– Давай здесь, – сказал Иван, отойдя от вертолета на сотню шагов.

– Ну, прощайте зверьки, будьте осторожны, и долгих лет жизни! – сказал на прощание Семен, и, положив руку на плечо Ивану, проговорил:

– Я буду ждать тебя в вертолете.

– Узнаешь ли эти места, дружок?! – присев на траву, рядом с нами Иван.

– Это твои родные места. Эта степь образовалась после пожара. Вон вдаль, на севере лежит лес. Там нам удалось остановить пожар. Степь вьется далеко на восток. Нам не удалось

остановить огонь, и он бушевал здесь еще целую неделю, пока не был окончательно потушен! Узнаешь ли их?

Иван показывал в сторону гор.

– Это те самые горы, где мы нашли убежище от огня... Да-а, здесь все изменилось, – сделал паузу Иван, сам с трудом узнавая местность.

– Но я уверен, вы быстро ко всему привыкните. Я встретил тебя где-то здесь, когда в лесу был лагерь лесорубов, здесь же мы и попрощаемся!

Иван не выдержал, и из глаз его потекли слезы.

– Мне жаль, что прождав меня три месяца, в первый же день долгожданной встречи – нам приходится расставаться! Но пойми, так надо, и для вас и для меня. Я больше не могу держать вас в неволе! Каждый день, проведенный на базе, губит вас, делает невозможным выпуск на свободу! Я же не смогу подойти и посмотреть на тебя, зная, что обрек друга на существование в клетке.

Меня очень тронули слова Ивана, я забрался к нему на руки.

– Умница ты моя, – проговорил Иван, сквозь ком в горле, и крепко обняв меня, как дитя, потряс из стороны в сторону.

– Ну а теперь, ступай, – выпуская меня из рук, прошептал Иван прерывистым голосом, весь дрожа, как и я.

– Прощай Иванов кот, берегите друг друга друзья! – встал Иван, и медленно направился к вертолету, стараясь не оборачиваться, а я старался ни кинуться ему в след.

Я не двигался, как бы сильно меня не тянуло к нему, и лишь глазами провожал Ивана.

Сев в вертолет, и поднявшись в воздух, он в последний раз посмотрел на сидящих посреди поля зверей.

Последнее, что мне запомнилось, это его грустная улыбка, когда он прощался со мной. Его рука за стеклом вертолета, которой он махал нам. А после мы еще долго сидели неподвижно, я и Ярси, пока вертолет полностью не исчез из виду...»

Закончил повествование Охва, устало переведя взгляд с одной точки на стене на Шусика и затем в сторону улицы.

– Уже ночь-полночь. Ну что Шусик уже поздно...

– Да дедушка, – тихо проговорил барсенок спокойно и размеренно и ни чем не выявил никакого волнения и оживления после его рассказа, что конечно не могло скрыться от глаз Охвы. Но он не подал виду и тихо, направился к себе. А что же касается Шусика, то он, проводив Охву взглядом, тихо на цыпочках встал на лапы, и вышел на улицу. Где молча, крайне сдержанно выплескивал свои накопившиеся эмоции, раскидывая снег перед собой, оголив когти. И раз за разом, нанося удары, он успокаивался и становился тише, его полыхающие глаза тускнели, как и он сам постепенно обретая над собой контроль.

IV Ярси и Охва

Прошло несколько дней с тех пор, когда Охва рассказал про свои первые испытания, встречу с человеком, и беды настигшие его после этого. И хотя рассказ его был насыщенным, и интересным, ни Шусик, ни Охва, старались его больше не вспоминать. Первым – по своим личным причинам, второй – чтобы лишний раз не бередить детскую психику барсенка, которого как показалось Охве, его история огорчила.

Но время шло, и Шусик вновь обрел самого себя, к нему вернулась жизнерадостность, и он охотно резвился с близнецами-лисятами, как возле пещеры Охвы, так и забираясь подальше.

Это была чудесная пора детства, когда кроме игр и веселья, их мало что волновало. Но все же, несмотря на свой юный возраст, Шусик не мог не заметить, что порой на него нахлыновала волна тоски и раздумий. Она приходила внезапно, вводила его в ступор, тут же лишала всякой беззаботности, и он ничего, никому не говоря, отправлялся домой, совершенно один, неспеша, пытаясь по пути разобраться во всем. Зачастую эти размышления заводили его в тупик, и он просто приходил домой, ложился отдыхать, а уже после сна, ему становилось лучше.

Именно в один из таких коротких зимних дней, Шусик вернулся еще до темна, снова хмурый, как день накануне дождя, и молчаливый, как рыба. Шусик старался сделать свои приходы, как можно незаметными и тихими, чтобы лишний раз не беспокоить Охву, который, как он знал, любил подолгу отдыхать в своем углу пещеры. И лишь под вечер вылезал на улицу, чтобы поохотиться или подышать свежим воздухом. Так случалось обычно, но ни в этот день.

Ведомый неведомой силой, Охва, проснувшись раньше обычного, вдруг захотел посмотреть на солнечный свет, еле пробивающийся в его убежище. Но как только он вылез из своего угла, ему на глаза попался барсенок, мирно лежащий мордочкой к выходу, и не сводивший глаз с выхода, как будто ожидая чьего-то прихода.

– Шусик, я думал ты на улице со своими друзьями, – как бы невзначай спросил Охва, проходя мимо, направляясь к выходу.

– Я нагулялся, – ответил печально барсенок.

– Обычно, тебя домой не дозовешься, а тут сам пришел, да еще в такой погожий день. А также твои друзья, им, наверное, недостает такого заводилы, как ты?

– Им и без меня весело, – бросил обиженно Шусик, и отвернулся в сторону.

– Вы, что поругались? – остановился Охва у выхода, дыша свежим воздухом.

– Нет, дедушка, – воскликнул барсенок на повышенных тонах. – Я же сказал, им без меня хорошо.

На что Охва, тяжело вздохнул, опустил голову, но в следующее мгновение ему на ум пришла замечательная идея, которую он не замедлил озвучить.

– А знаешь Шусик, у меня есть хороший способ отвлечь тебя от тягостных дум, – молвил вкрадчиво Охва, на что барсенок ничего не ответил.

– От тебя придется лишь самая малость, а именно слушать. Так ты готов? – спросил Охва, по-прежнему стоя у выхода, любуясь из теплого места, морозным холодным пейзажем, и не дожидаясь утвердительного ответа, завел свой очередной рассказ.

«Конец одной истории венчает собой начало другой. Именно так и произошло со мной и маленьким рысенком.

Кстати, когда он оказался впервые на воле, он, Шусик, был примерно твоего возраста, и тоже был не лишен своих причуд. В чем мне пришлось убедиться сразу на второй день нашего пребывания на новом месте. Ярси, привыкший по долгу ничего не делать и весь день лежать

в своем вольере, оказался крайне тяжелым на подъем, в чем конечно я его не винил. Но все же даже испытывая обычный для всех голод, заставляющий всех нас идти на поиски пропитания, в каком бы состоянии мы бы не находились, не был способен побороть лень рысенка. Он просто лежал пузом кверху и стонал:

– Я есть хочу, я есть хочу! Охва, дай поесть!

И все ждал, что я принесу ему что-нибудь перекусить. Поначалу, конечно, я так и поступал, но я был слишком мал, чтобы прокормить двоих, и поэтому решил пойти на принцип.

Шла уже осень, листва опадала, шли проливные холодные дожди, и пищи в степи, у которой мы нашли временное убежище, становилось все меньше. Все эти причины и заставили нас сдвинуться с места, и отправиться в лес на север, где я рассчитывал сделать из Ярси настоящего рысенка, а не домашнего обленившегося кота».

Охва сделал паузу, чуть обернувшись на барсенка, который хоть и не подавал вида, все же слушал его.

– Так вот Шусик, ты спросишь, к чему я завел этот рассказ? Я отвечу, что, прежде всего, я хотел поведать тебе историю рысенка Ярси, ставшего из обычного вскормленного в неволе человеческими руками рысенка, в настоящую рысь, достигшую многого, благодаря труду, тренировок и стремлению к своей мечте, имя которой... Хотя, давай все по порядку!

«Так вот, у меня было времени в обрез, в любой момент могли наступить холода, и рысенок мог остаться совершенно не приспособленным к зиме, настоящей природе, со своими опасностями и суровостью, и тем, кто противился ее основным законам выживания.

И именно им я и стал обучать Ярси. Устроившись в скрытом от чужих глаз местечке возле опушки леса, мы с Ярси, каждый день стали проводить в лесу. Но чтобы я не делал, как бы интересно не повествовал об основных принципах охоты, и выслеживания добычи, об опасностях подстерегающих таких как мы в предстоящую зиму, Ярси хоть делал вид, что слушает, а сам за моей спиной веселился, играл, бегал, и скакал. Конечно, он был еще ребенком, я его сильно не судил, но все же он не проявлял никакого интереса к тому, что ожидало его впереди. Он жил одним днем, вечно прозябал в беззаботности, и играх, и казалось, совершенно был лишен чувства собственного самосохранения.

Время шло с катастрофической скоростью, и не успел я глазом моргнуть, как выпал первый снег, и охота стала непосильной задачей для меня, особенно, когда приходилось кормить два рта. Я понимал, что нужно что-то сделать, нужны решительные меры, да такие неординарные, что смогли бы сразу пробудить в рысенке лесного кота.

И вот в один из дней, пойдя на охоту, как всегда, один, так как Ярси, мило-премилно дрыхнул в теплом убежище без задних лап, я почти сразу напал на группу мелких следов, явно принадлежавших зайцам. Хотя обычно я обхожу их стороной, так как сам тогда был чуть крупнее самого среднего зайца, в этот раз у меня не было выбора. Одни такой ушастый, мог прокормить нас с Ярси дня два, не меньше. Тогда, конечно, я и подумать не мог, чем для меня обернется эта охота.

Так вот, пробираясь по следам тихо, и незаметно, я вскоре вышел на лесную поляну, уже покрытую тонким слоем снега, по которой весело бегали не один, а с десятков зайцев, разных возрастов. Больше среди них было молодняка, и мне особо приглянулся один из зайчат, что был поупитаннее и неповоротливее. И он, кстати, был совсем еще серым, в отличии от своих братьев и сестер, которые уже начинали сбрасывать свой летний пушок на белоснежные зимние шубки. Выбрав цель для предстоявшей охоты, я стал крадучись приближаться ближе к нему. Но мне и невдомек было, что мой объект для охоты, не остался незамеченным для еще одного лесного охотника, куда более крупного, чем я, более хитрого и ловкого. И когда я уже был в десяти шагах от зайца, прячась за деревом, и уже готовился к рывку, дорогу мне перебежала одна очень шустрая, гибкая рыжая охотница...»

При этих словах Шусик повернулся к Охве лицом, явно проявляя интерес.

«И не успел я что-либо предпринять, как зайчонок был уже у нее в зубах. Меня вдруг охватила такая злость, ведь я битый час подкрадывался к нему, а тут на тебе, какая подлость. Да плюс еще дома меня ждал лентяй и тунеядец, что я сломя голову, выскочил из своего убежища и со всего разбегу подскочил к лисице, вцепился ей в заднюю лапу. Вскрикнув от резкой боли, она так широко раскрыла пасть, что позволила кролику убежать себе в норку, где уже загодя попряталось все его семейство. Недовольно фыркнув, лисица, сверкнув глазами, решила поохотиться на меня. Но не успели ее зубы вонзиться в меня, как она получила по своим наглым усам, лапой с оголенными когтями, что заставило ее отпрыгнуть от меня и злобно прошипеть.

– Ты испортил мне всю охоту.

– А ты мне! – не менее грозно и серьезно ответил я, готовый на все, даже на неравную схватку.

– Ах ты кошака! – сквозь зубы прошипела она, и хотела было уже накинуться на меня, но то ли мой невозмутимый вид, то ли она что-то услышала, но она, резко вытянувшись, повела ушами по сторонам и бросив.

– Не стой у меня на пути! – бросилась прочь.

Я же остался стоять, как в копаный в центре поляны, опустив голову, и сетуя на себя, за неудавшуюся охоту. А когда, спустя несколько минут уже собирался уходить, я вдруг услышал мягкий заячий голос позади.

– Спасибо тебе!

На что я чуть обернулся и увидел мать всех зайчат, чуть высунувшихся из норки.

– Не за что, ведь я тоже на него охотился, – ответил я.

На что зайчата, чьи носики торчали из норки, тут же попрятались, но мать отнеслась к этим словам спокойно.

– Все же, спасибо!

На что я тихонько улыбнулся и пошел восвояси. Но не успел я сделать и пару шагов, как новый голос прозвучал звонко.

– Мама, может ему нужна помощь?

Совершенно по-детски, наивно проговорил тот самый зайчонок, подскочивший к матери.

– Думаю, мы здесь бессильны. И он сам справится, – ответила ему мама, а я вдруг резко остановился и развернулся, и впил в мать зайчат свои светящиеся от очередной нелепой идеи, родившейся внезапно, глаза.

– Ведь так? – удивленно и с некой опаской произнесла зайчиха, пряча своего зайчонка за себя...»

Неожиданно для Шусика, Охва отошел в сторону от выхода, как бы освобождая проход для солнечного света и свежего воздуха, которые нахлынули волной на барсенка, который даже зажмурился, а следом за ней, в пещерку заскочили двое лисят.

– Шус, что же ты, мы тебя всюду ищем, – молвил лисенок.

– Мы бы и раньше тебя отыскивали, если бы мой братик поменьше спорил со мной, – молвила лисичка.

– Вот видишь Шусик, даже тогда, когда нам кажется, что мы одиноки и всеми оставлены, всегда найдутся те, кому мы не безразличны, и которые способны разгрузить с наших плеч всю тяжесть одиночества, став рядом с тобой, разделяя ее поровну, – философски подытожил Охва, занимая место по удобнее, чтобы продолжить рассказ.

– А теперь дети, слушайте, что было дальше...

«Домой к Ярси я вернулся затемно, весь искусанный и израненный. На расспросы рысенка, что же случилось, и почему я вернулся с пустыми лапами, я отвечал, что на меня напала старая ворчливая лиса, захотевшая мной поживиться, и что теперь я не смогу охотиться несколько дней. На что Ярси побледнел, толи из-за переживаний за меня, или из-за того, что так боялся идти на охоту один. Я, конечно, поспешил его успокоить, что завтра буду сопровождать его, но охотиться он должен будет сам. На что Ярси погладил свой изголодавший живот, громко кричащий и ворчащий, нехотя кивнул головой.

И как только наступил день, я еле растолкал рысенка, повел его на его первую охоту, которую он точно не забудет. Проплутав по лесу в поисках добычи несколько часов кряду, без остановки, я умудрился рассказать рысенку столько полезной информации, которую ему пришлось слушать и внимать, сколько не успел и за несколько недель.

И когда Ярси уже начинал терять терпение, нам на глаза попались заячьи следы. Пояснив ему, чьи они и кто их хозяин, и его нам на двоих хватить с лихвой на день и даже больше, Ярси с охотой последовал за ним. Всю дорогу я держался позади, объясняя это, тем, что своей неуклюжей походкой, мог бы распугать всех, и испортить всю охоту. А сам тем временем выискивал взглядом зайчиху, с которой у нас был договор.

Наконец я заметил ее впереди. И прежде, чем Ярси тоже ее заметил, я кивнул ей головой, и она выскочила прямо перед рысенком.

– Вот она, то есть, он! Хватай его! – выкрикнул я, подмигивая зайчихе, она ответив тем же, тут же кинулась бежать со всей заячьей прытью, прочь от рысенка, который сделал неуклюжий прыжок, приземлился мордочкой в снег.

– Ты так и будешь здесь лежать?! Наш завтрак уходит! – усмехнулся я, и рысенок тут же поднялся на лапы, и немного обиженно взглянув на меня, кинулся за зайчихой.

Я же, мило устроившись на валежнике, стал наблюдать за охотой своего подопечного. Уговор с зайчихой был таков, чтобы они оба всегда находились в поле моей видимости, на всякий случай, и посему, она гоняла рысенка кругами вокруг меня. А он бедный был так увлечен погоней, что и не замечал меня. Но это даже было к лучшему, ибо если бы он увидел, как я катаюсь от смеха на брюхе, он все бы прекратил. А посмеяться и вправду было над чем. Ведь Ярси в тот момент походил на кота, который и мышь не был способен поймать. И как бы зайчиха не поддавалась, останавливалась якобы от усталости, рысенок тут же совершал какую-нибудь глупость. То он падал на ровном месте, то со всего разбега налетал на ствол дерева, то угодив в кусты выбирался из них, что-то громко бурча себе под нос.

Эти «веселые старты» могли продолжаться очень долго, и как мне кажется, ни к чему бы не привели, если бы в следующую минуту, на той же поляне не объявился все тот же зайчонок, которого я спас ненароком вчера. Он выскочил неожиданно и, как на зло, прямо перед Ярси, который завидев новую цель поменьше, со всего разбегу налетел на бедного зайчонка.

– Стой! – выкрикнул я, кинувшись со всех лап вниз, и Ярси, который уже собирался вцепиться в свою добычу, которую хоть и не поймал, но все же был не меньше желаемой ему.

– Что?! – широко открыл глаза рысенок, впив в меня удивленный взгляд, усиливаемый еще и тем, что глядя на меня, он увидел, как быстро прошла моя хромота и болезненность.

– Оставь моего сына! – подскочила зайчиха ихватила своего малыша из-под лап ошалелого Ярси.

– Охва, мы так же договаривались, – закричала она.

– Что? – протянул рысенок.

– Прости Ярси, но мне пришлось прибегнуть к хитрости, иначе бы тебя и с места не сдвинушь, – оправдывался я.

– Мне все равно на твоего питомца, но зачем впутывать моего сына! – прервала меня зайчиха.

– Простите, но я вовсе, не звал его.

– Питомца?! – очень обиженно и печально повторил Ярси, и впил в меня такой взгляд, полный сожаления и разочарования, что мне стало стыдно.

Я хотел было оправдаться, но рысенок в следующую секунду, бросился бежать прочь со слезами на глазах.

– Ярси, подожди!

– Сынок, что ты здесь делаешь?

– Мама беда, там лисица, она вернулась! – тяжело дыша, выговорил зайчонок, и зайчиха тут же остановила мой порыв, кинуться за Ярси, словами:

– Охва, помоги! И мне ничего не оставалось, как кинуться за зайцами, им на помощь. Ибо как я себя успокаивал, обида рысенка не смертельна, в отличие от положения, в которое угодили зайчата, в отсутствии их матери, виной которому был я, со своим дурацким планом, который не очень удался.

Прибежав на заячью поляну, она оказалась совершенно пустой, только множество следов говорили о том, что здесь, кто-то обитал. Зайчиха и зайчонок тут же бросились к родной норке, а я напуганный масштабностью трагедии, закружился на месте, выискивая хоть какие-нибудь следы, которые могли бы точно сказать, что здесь случилось. Но описав полукруг, я встретился взглядом все с той же лисицей, которая, хитро улыбаясь, испытывающе смотрела на меня одним глазом, а вторым пожирала маленьких зайчат, которых подмяла под своими лапами.

– Вот уж не ожидала тебя встретить снова кошака!

– Сыночки! – выкрикнула зайчиха, и хотела было кинуться к своим детям, но я остановил ее.

– Не выходите! Она не посмеет их тронуть, – угрожающе молвил я, впив в наглую лисицу, суровый взгляд.

– Да ты что, правда что ли? – ответила она на это, и облизнула одного из зайчат, трясущихся от страха.

– Вообще-то я хотела ими позавтракать, но раз появился ты, я думаю, оставлю их на десерт.

– Я согласен на обмен, бери меня, но отпусти зайчат! – выкрикнул я, и сам про себя кусал себе губы за свои слова.

– Порядочный значит?! Ну чтож, позволь подумать... – закатила глаза лисица.

– Ой, погоди, у меня есть встречное предложение. Я беру всех! – огрызнулась она, и вмиг, подскочив ко мне, раскидав зайчат по сторонам, настигла меня, свалила с лап и подмяла под своими лапами.

– Я всегда успею их поймать, а вот ты попадаешься редко! – оскалила она свои зубки. – Никому не позволю портить мне охоту! – закончила она болтовню и хотела было уже пожить со мной, как вдруг к ее удивлению, и к моему тоже, ее сшиб с лап Ярси, появившийся вовремя.

– Спасибо Ярси! – только и успел молвить я, поднявшись на лапы.

– Ты еще кто такой?! – прогремела лисица, скалясь теперь на нас обоих.

– Я с ним, и я не позволю тебе то, что ты собиралась сделать, – немного неуверенно произнес Ярси, чувствуя, как взгляд лисицы его стесняет.

– Раз кошака, два кошака, первое блюдо, второе блюдо! – усмехнулась лисица.

– Даже и не думай! – вскрикнул я, и хотел было вцепиться ей в лапу, но она оказалась изворотливее, и прежде чем мои когти достигли ее лапы, ее зубы вцепились мне в спину, и она, потрепав меня несколько секунд, откинула в сторону.

Я оказался совершенно обездвижен и ничего не мог предпринять, и только и мог, что смотреть, как лисица стала приближаться к Ярси, а тот под натиском страха, стал пятиться.

– Рысь в наших местах? Давненько не встречалась. Помниться, такие как ты, всегда портили мне охоту. Но ничего, мы не допустим этого! – злобно оскалившись, приближалась лисица медленно к рысенку, который хоть и был с ней вровень по росту, все же побаивался этой ненормальной.

– Да мне повезло! – вдруг встала она, приняв себя, от тебя пахнет человеком! Да ты ручной зверек, – засмеялась она прямо в лицо Ярси, отчего тот нахмурил брови, и все больше ощущал, как желчь в его животе бьет за край, а лисица все не угомонивалась.

– Небось ты и охотиться не умеешь. Ручной кошака, надо же, кому Расскажи не поверят. Может мне и не есть тебя вовсе, мясо у таких, как ты слишком изнеженное, – все громче насмеялась лисица, тем самым переполняя чашу терпения Ярси, и когда она завела разговор про его родителей:

– Будь я твоей матерью, сгорела бы со стыда!

Ярси просто взорвался, и с диким шипением, он накинулся на свою обидчицу. Лисица не успела ничего предпринять, как тут же была подмята под лапами рысенка, который как, никогда чувствуя себя сильным, сурово и уверенно произнес.

– Я рысь и больше тебе здесь нечего делать! – прорычал он и отпустив ошалелую лисицу, на прощание стегнул ее когтями по хвосту, вырвав ими изрядный кусок меха.

– Ты, ты просто зверь! – огрызнулась напоследок лисица, но больше не для угрозы, а для порядка и убежала прочь...»

Закончив на этой мысли рассказ Охва, и взглянул на лисят и Шусика, продолжил.

– Ну, Шусик тебе стало лучше?!

– Немного.

– Тогда не стоит прозябать все время дома, ступай играть!

На что Шусик и лисята бросились на улицу.

– А вы молодцы! – тихо молвил Охва, чуть задержав у выхода лисят.

– Дедушка Охва, мы сделали хороший поступок, теперь ты нам должен!

– За хороший поступок награду не просят. Тем более, вы сделали это не ради меня, а ради вашей дружбы с Шусиком.

– Ему нет дела до нас, он оставил нас!

– Войдите в его положение, ему сейчас очень худо приходится и без поддержки ему не обойтись!

– Ладно! – в один голос ответили лисята.

– А за не очень хорошие поступки награда полагается? – спросил с хитринкой лисенок.

– Конечно, вот я вам сейчас, – изобразил Охва небольшую злобу, и хотел было хлопнуть лисят по их хвостам, но те с криком выскочили наружу.

– Дети! – подытожил он и, улыбаясь, отправился к себе.

Уже под вечер домой вернулся Шусик, и первым делом подскочил к Охве.

– Дедушка, спасибо! – обнял он минула.

– За что?

– Они мне все рассказали. И если бы не ты, они и вовсе не водились со мной!

– Не за что, – ответил Охва улыбаясь, не видя больше необходимости притворяться и уклоняться.

– Но Шусик скажи, в чем причина?

– Я сам порой не знаю, – начал барсенок, отходя от Охвы и пряча от него глаза.

– Играю себе вместе с лисятами, и вдруг в голове что-то мелькает. Я замыкаюсь в себе, останавливаюсь, и сам не свой просто смотрю, как лисята радуются, смеются, так беззаботно играют. Но мне вдруг приходит чувство отчуждения, ненужности, которые усиливаются еще

и тем, что они брат и сестра, у них есть на кого положиться, кому высказаться, а я... – запнулся Шусик.

– Шусик у тебя есть я! Ты всегда можешь мне довериться! – размеренно ответил Охва, на что барсенок, чуть повернувшись, тихо ответил:

– Да, дедушка!

Причем в его голосе не было уверенности в произнесенном, что конечно, не могло скрыться от чуткого слуха Охвы, который тут же взял слово.

– Уже вечер Шусик, но если хочешь, я продолжу свой рассказ. Ведь то о чем я уже успел рассказать, было вовсе не той причиной, по которой Ярси обрел себя, а лишь предысторией к ней.

– Я готов слушать хоть до утра, все равно в последнее время я плохо сплю...

– Тогда приготовься, ибо это история может затянуться.

«После происшествия с лисицей, Ярси, наконец-то, взялся за ум, и понял, чем чревата лень. Всю оставшуюся осень и зиму, мы прожили душа в душу, устроившись вблизи леса. Это было конечно не безопасное место, по ночам рыскали волки, но мне хотелось, чтобы Ярси был поближе к условиям своего проживания. И как если бы он жил самостоятельно, я позволял и даже настаивал, чтобы он охотился самостоятельно один, и каждый день оттачивал свое умение».

– Жаловаться было не на что, по крайней мере, пока нашу спокойную, размеренную жизнь не нарушила своим приходом весна, – протяжно вздохнул Охва.

– Весна, пора, когда природа просыпается, поют птички, цветет и благоухает все в округе, от цветов и деревьев, до наших сердец. Возможно, ты Шусик еще не понимаешь о чем я, но думаю, придет время, и ты все поймешь. А пока продолжим...

«Так, о чем это я? Ах да, о весне. Так вот, с приходом теплых солнечных деньков, когда последний снег сошел, и все в округе окрасилось в свежий зеленый цвет, наша бдительность ослабла, можно сказать растаяла, и мы просто наслаждались жизнью.

Ярси к тому времени очень подрос и возмужал, и уже очень походил на настоящую дикую рысь, осторожную, ловкую лесную кошку.

– А-а! – протяжно и лениво зевнул Ярси, потягиваясь всем телом, впивая свои когти передних лап в корягу, возле которой мы и нашли весеннее временное убежище.

– Ох-ва-а! – не успел он произнести, как невольно оступился и рухнул на землю, прямо перед моими лапами.

– Перешел на подножный корм? – подметил я.

– Нет, я просто... Снова не рассчитал силы, не разбудил свою ловкость, и так залег, и тому подобное.

– Ярси я слышал все это много раз, неужели нельзя быть немного поосторожнее. Меня порой удивляет, как ты прожил эту зиму?

– Только благодаря твоему чуткому наставлению, мудрым советам и полезным навыкам, которыми ты научил меня, неразумного.

– Хватит паясничать, вижу, что лезть твой второй язык!

– Как второй, у меня он один! – показал рысенок язык, а я тут же схватил его за него, и потянул на себя.

– Хватит, ты уже не ребенок! Пора лучше на охоту, пока не стало слишком жарко.

– Конечно ваше высочество, ваша мудрость, не знает границ, а ваша смелость заставляет дрожать всех в округе. Вот я весь и дрожу...

– Сейчас я тебе подрожу! – пригрозил я, на что рысенок, радостно улыбаясь, поспешил убраться с моих глаз.

Да я немного приукрасил, сказав, что Ярси вырос, и стал рысью. Он любил паясничать и веселиться, беззаботно, как дитя, и это мне в нем нравилось. С ним в компании, некогда было скучать, он всегда мог развеселить тебя, когда было плохо и тоскливо. Он по-прежнему остался мне как сын, только малость подросший и поумневший. Хотя на счет второго, я сомневался.

Да и не важно это. Так вот, в тот день, когда я вот так спровадил Ярси на охоту, к которой, если честно, он редко относился с серьезностью. Порой он приносил пару мышек, и говорил:

– Поиграем!

– Конечно, – отвечал я, не обижался и сам порой так увлекался его забавами, что и сам превращался в ребенка.

А после, ощущая голод после вчерашнего завтрака, поудобнее устраивался, и, прикрыв глаза, грелся на солнышке.

Но моему покою не суждено было продлиться долго, ибо не прошло и часа, как с криком ужаса и вытаращенными глазами, словно ошпаренный, на меня наскочил Ярси.

– Ты не поверишь, Охва, ты не поверишь? – начал он, задыхаясь.

– Позволь догадаться, ты не смог поймать двух мышек? – нисколько не обращая внимания на дикие крики мне прямо в уши, ответил спокойно я.

– Нет Охва, это другое! Ты не поверишь?

– Ну ладно, Ярси, говори же, чтобы я поскорее мог тебе не поверить.

Все же он поднял меня с места.

– В лесу... Там... Я встретил... Светлоокую... Огненно-рыжую... Невероятно красивую... – начал расписывать увиденное рысенок, а я все больше недоумевал.

– С вздернутым носиком... И с такой кисточкой на хвосте... Просто негодяйку, ужасную личность, – вдруг резко переменялся в тоне рысенок.

– Мало того, она отбила у меня мою добычу, так еще и насмеялась надо мной.

– Так значит все же – она? – хитро проговорил я, не способный скрыть улыбки, так как позади него, в нескольких десятках шагов, кралась по его следам, именно та, которую он так ясно описал, и которая прекрасно все слышала.

– Постой, постой! Опасная говоришь?

– Ну да?!

– Светлоокая...

– Да!

– Огненно-рыжая...

– Ага!

– Невероятно красивая, просто негодяйка и ужасная личность?!

– Ну да! – в какой раз выкрикивал Ярси, с пылом и жаром.

– Ярси, а это не она?! – указал я лапой позади него.

Рысенок тут же обернулся и увидав свою обидчицу уже в шагах десяти от себя, с диким визгом, напоминавшим поросятчий, когда им хвосты крутишь, сам я этим не занимался, так говорят, он подскочил на месте, и, спрятавшись за мной, стал причитать:

– Охва, спаси, не дай ей меня убить!

– Что? – тихо, нежно, крайне удивленно проговорила молодая рысь, которая и вправду на первый взгляд, была не дурна собой, и я не мог взять в толк, чем она напугала моего Ярси.

Ее мех и вправду был ярче и краснее, чем у Ярси, а широко открытые глазки и мило, торчавшие в разные стороны ушки, в сочетании с ее стройной фигуркой делали ее просто красавицей и...»

– Охва, – не выдержал Шусик.

– Ладно! Одним словом, рысь была сама Совершенство.

«Не обращайтесь внимания на моего друга, – чуть протянул Охва, не смея назваться отцом ей. – Он не стой лапы встал! Скажи лучше дитя, как твое имя?»

– Меня зовут Уна! А тебя, как я слышала Охва, а этого – Ярси! – как-то по-своему указала она на него.

– Мое полное имя Енуохваохлеиш, но друзья называют меня Охва.

– Енуохваохлеиш! Хорошо, пока мы не стали друзьями, буду звать тебя так! – совершенно спокойной и без жеманства ответила рыська, чем привлекла мою лучшую сторону, а я уже без стеснения подошел к ней ближе, чтобы разглядеть.

– А этот с тобой? – указала она на Ярси. – Что с ним?

– Не подходи, Охва, она опасна! – все не угованивался Ярси, боясь даже встретиться прямым взглядом с кошкой, и ему хватило сил, лишь, чтобы посмотреть не вышел лапок.

– Наверное не сошлись вкусами, – шутливо бросил я, на что Уна прореагировала спокойно, и хотела было подойти к Ярси поближе, но тот вдруг вскочил с места, подскочил ко мне и сухо и немного грубо бросил рыське:

– Мы живем вдвоем и больше нам никто не нужен.

С этими словами он увлек меня подальше от нее.

– Странный какой-то, – тихо проговорила Уна сама себе, остановившись в замешательстве на прежнем месте, наблюдая как Ярси, все дальше и дальше оттаскивает меня в лес.

– Да, что ты делаешь? – наконец воскликнул я, когда мне все это надоело, и отстранил от себя Ярси.

– Спасаю нас!

– Что? Кто? От кого? Ярси, да ты что?! Разуи глаза, она же просто милая рыська, которой, между нами, ты приглянулся...

– Что? Кто? Я! Для чего?

– Иди сюда! – пододвинул его ухо к себе я, и начал шептать.

– Как? Зачем? Охва! От тебя я таких гадостей не ожидал услышать! – вдруг одернулся он от меня, не успев, я все рассказать до конца.

– Какой же ты до сих пор ребенок, раз не видишь, что ты ей понравился! – развел я плечами, стукнув себя по лбу.

– Я считаю, что это хорошо! – выкрикнул Ярси, и, поняв, что, повысив голос, огорчил меня, опустил взгляд на лужу, в которой стоял.

– Ну, разве могу я кому-то понравиться?! – тихо еле слышно произнес он, и с силой топнул лапой по собственному отражению в воде.

А когда брызги и барашки успокоились, Ярси вдруг увидел в отображении лужицы не одно лицо, а два, свое и Уны.

– Привет! – воскликнула Уна, и Ярси, не ожидав столь внезапного очередного ее заявления, чуть отскочил в сторону.

– Боюсь, что первый раз я была не слишком вежлива, отобрав твою добычу. Поэтому приношу свои извинения. И снова представлюсь. Меня зовут Уна! – улыбаясь, смотрела она на Ярси.

– Ярси, – все же выдавил из себя рысенок, под действием моего серьезного укоризненного взгляда.

– Очень приятно! – ответила на это Уна, и тут же продолжила.

– Не считайте меня навязчивой, просто последние несколько недель, как я ушла из дома в поисках нового, я не встречала ни одного, походившего на меня, с кем бы можно было поговорить! Понимаете?

– Ага, – кивнул Ярси, чуть заинтересовавшись историей рыськи.

– Скажите, а вы заняты тем же? И еще – можно с вами? – состроила грустную гримаску рыська.

Я, не скрывая доброжелательной улыбки согласился.

– Конечно Уна, думаю, Ярси не будет возражать.

На что Ярси закивал и сам произнес.

– Не-е-т!

Чем в очередной раз вызвал на мордочке Уны улыбку.

– Вот здорово! – обрадовалась она.

– Спасибо Енуохваох...

– Просто Охва.

– Спасибо Охва, и спасибо Ярси, – отозвалась она, и, поравнявшись с Ярси, пошла рядом с ним.

Не отставая от Ярси ни на шаг, ступая с ним лапа в лапу, Уна ни на секунду не замолкала. За какой-то час, она умудрилась рассказать про себя все, начиная с самого детства. Конечно, ее рассказ был довольно интересным, и в пути с ним было не так скучно, но все же думаю, он понравился Ярси, чуть меньше, чем мне. Если не сказать больше.

Я слушал Уну с открытым ртом и с улыбкой на лице, а Ярси с такой постной миной, как будто он чем-то подавился, и кусок встал ему поперек горла. Но надо отдать должное Уне, она несмотря на игнорирование Ярси, не оставляла попыток разговорить рысенка и даже порой строила ему глазки.

Но мой ученик был слишком юн и неопытен, чтобы понять потаенный смысл, и, начиная стесняться еще больше, он все больше уходил в себя. Конечно, подобное зрелище немного забавляло меня, но мне все же было неудобно и жалко бедного Ярси. Получиво такой шанс, он совершенно не осознавал своего счастья. Тогда-то, спустя пару часов нашего пути, неведомо куда, так как я меньше всего думал о направлении, и все не сводил глаз с прекрасной Уны, я твердо решил что-то предпринять. Шепнув на ухо Ярси: «Будь самим собой» – я уже громче обратился к Уне:

– А давайте-ка я отправлюсь вперед и все разведая, а вы пока здесь подождете. Вы не возражаете?

– Конечно Охва! – быстро отозвалась рыська, а Ярси, не смея нарушить свой несколько часовой обет молчания, судорожно закивал головой.

– Я скоро! – побыстрее откланялся я, а сам, отдалившись на расстояние, откуда мог все слышать, и найдя место, где мог бы укрыться, засел.

За друзьями, конечно, нехорошо подглядывать, но, если честно, мне Уна приглянулась, хотя она и была другого вида, но что поделать, молодая кровь бурлила.

Так вот, не успев удалиться, как Уна, так невзначай присела рядышком с Ярси, к нему спиной и несмотря на него, заговорила:

– Скажи Ярси, а ты всегда такой молчаливый? Или только со мной? Просто мне кажется, что такой котик, как ты способен на большее, чем отмалчиваться? – хитро спросила она, чуть обернувшись к нему боком, опустив заманчиво мордочку вниз.

– А-а, э-и-и... – протянул Ярси, подняв на нее свои глаза, над которыми был уже не властен, и которые впились в рыську томным взглядом.

– Ведь ты настоящий лесной кот?

– Ну да.

– Пожалуйста, продолжай, не бойся меня, расскажи про свое детство, – медленно поднялась она все на лапы и развернулась к нему лицом, села возле рысенка почти вплотную, еле задевая его лапы своими.

– Мое детство, детство... Детство я провел в семье...

– Замечательно!

– В семье маленьких пушистых зайчат!

– Что?! – удивленно подняла глаза на Ярси Уна.

– Вот дурень! – воскликнул шепотом я, ударив себя по лбу.

– Да, это была холодная зима, и мы с Охвой сделав услугу им, радушно согласились на их благодарность.

– Вы их ели? – переспросила Уна, чуть отстранившись от Ярси, теряясь в догадках.

– Нет, конечно, нет! Мы жили с ними душа в душу, как семья!

– Кха-кхе-кхе! – закашлялся я, кляня себя про себя, что оставил Ярси наедине с Уной слишком рано.

– Правда?! – скорчила удивленную физиономию Уна.

– Чистая! И это еще не все! Тот глухарь, которого ты поймала прежде меня, мог стать для меня самой большой добычей, которую я когда-либо ловил, – выпалил все как есть Ярси, на что Уна чуть не упала, и начала пятиться от Ярси.

Но того видно нервоз и страх совсем сделали безумным, и он подскочив к ней, шепнул ей на ухо то, что я в шутку шепнул ему раньше.

– У какого еще озера?! При чем тут луна?! Да ты псих! – оттолкнула она Ярси, и тут же кинулась прочь от рысенка.

– Эх ты?! – подбежал я к нему, помогая встать на место, и вернуть часть гордости.

– Я?! Это все ты!

– Я?!

– Конечно, если бы ты не взял ее с собой, этого бы не случилось.

– Что?! Это ты язык проглотил, а высунув, наговорил такого, что тебя и убить мало!

– Я с самого начала был против, но ты не слушал!

– Если бы ты был настоящей рысью, а не домашним котом, ты бы не потерял ее! – не удержался я.

– Она мне не нужна! – тихо, очень печально проговорил Ярси, которого мои слова ударили в больное место.

– Она настоящая рысь, а я вырос в клетке... – протянул он, и отвернувшись от меня опустил голову, побрел прочь, в противоположную сторону от Уны.

Я же, оказавшись перед выбором, схватился за голову, не зная, что предпринять. Спустя минуту, я все понял и кинулся бегом за Уной.

Отыскать ее в лесу, не представляло трудности, так как, скрывшись в нем, она побрела, куда глаза глядят, неспеша, так как спешить было некуда, как и нам.

– Уна, постой, погоди! – выкрикнул я ей вслед.

– А-а, прочь от меня, ты тоже псих. Как твой приятель?! – подскочила на месте рыска, и шарахнулась от меня.

– Не суди о книге по обложке!

– Не поняла? Ты пытаешься заговорить меня, не выйдет!

– Да послушай же ты меня! Ярси не только мой друг, он мне как сын!

– А-а? – вытянула шею Уна, ожидая пояснения.

И тогда-то я все ей рассказал про Ярси, и постигшее его в детстве несчастье.

Ярси в свою же очередь, пройдя не более сотни шагов, остановился, и сев, повесил голову до самой земли. Он не говорил, не плакал, не слушал и не видел, он просто ждал, пока успокоится и сам сможет вернуться ко мне.

– Видишь его?! – шепотом молвил я.

– Вижу! – также тихо ответила рыска, с которой вместе, после моего рассказа, мы поспешили за Ярси. И обнаружив его, одиноко сидящего в лесной гуще, посреди небольшой поляны, мы стали красться к нему.

– Ну, так иди, извинись перед ним.

– Я?! Вот еще, ведь это он первым наговорил мне гадостей.

– Боюсь, он говорил моими устами!

- Что?!
- Не время винить меня, грешен, не спорю. Ну, так иди же.
- Нет! – твердо ответила Уна, и сев, вздернув нос кверху, хмыкнула.
- Пусть он первый подойдет.
- А я думал, Ярси один такой настырный, – ответил я, и пошел к Ярси.
- Ярси?! – тихо молвил я, подходя к нему, и садясь рядом.
- Охва?! Привет!
- Привет!
- Ты и вправду считаешь меня домашним?
- Нет, конечно, нет, Ярси. Ты, конечно, ленив и небрежен, но ты еще молод, и всякому суждено ошибаться. На этом мы и учимся!
- Я так оплошал. Выставил себя таким дураком...
- Перед Уной?
- Нет, перед тобой! Ведь тебе так хотелось, чтобы я поладил с ней!
- Скажи Ярси, а чтобы хотелось лично тебе? – задал я невзначай вопрос, пальцем, за спиной Ярси, подзывая Уну прислушаться.
- Если честно, Охва, я никогда еще не встречал других рысей. Но скажу, по правде, ни одна из них не станет милее и пригожее Уны. Встретив ее сегодня, я сразу понял, что она необычная, потрясающая кошечка. Но когда она заговорила со мной, я просто онемел. Ее голос, ее глаза, просто очаровали и уносили в мир мечтаний и грез. А теперь, когда я обидел ее, я вот уже в который раз закрываю глаза и желаю только одного, чтобы она оказалась рядом, и все началось сначала, – закончил Ярси, сильно зажмурив на несколько секунд глаза, затем открыв их, увидел перед собой все ту же пустоту.
- Привет! – как спасительный круг посреди океана, раздался голос Уны позади Ярси, и тот тут же обернувшись тихо ответил:
- Привет!
- Меня зовут Уна! – начала рыска.
- Меня зовут Ярси, – тихо подсказал я.
- Меня зовут Ярси! – повторил Ярси, не сводя глаз с Уны, вставая на лапы, и начиная приближаться к ней навстречу.
- Я прошу прощения за свою грубость! – снова прошептал я.
- Прости Уна, за мои слова и за меня!
- Нет, это ты прости меня, за то, что толкнула.
- Так, а теперь Ярси, самое главное не упusti момента. Скажи ей... – начал было я, но Ярси, прикрыл мне рот своей лапой.
- Может, пройдемся вместе до лесочка?
- Так, теперь ты Уна, – отвел от моего рта Ярси свою лапу. – Скажи, что тебе Уна, не к чему стесняться, ибо мудрый Охва все поведал... – начал было я, и снова меня заткнула лапа, на этот раз рыскина.
- С удовольствием, – коротко ответила Уна, и поравнявшись с Ярси оба медленной походкой направились вперед.
- Ну как хотите! Не слушаете моих советов, дело ваше, но нянкой у ваших котят я не собираюсь быть!
- Охва! – в один голос пресекли мой поток слов молодая парочка.
- Молчу! Молчу! – отошел я в сторонку, пропуская молодых голубков вперед, а сам побрел следом.
- Скажу я тебе Шусик, идти за парочкой, дело не благодарное. Мало того, они всю дорогу сюсюкались и шептались, так еще, чтобы не быть к ним близко, и не нарушать их разговор, мне приходилось плестись как черепаха позади.

Пока, наконец, мне это не надоело, и я просто напросто пошел вперед. Обгонял их, делал привал, успевал вздремнуть, прежде чем меня снова нагоняли и тогда все, повторялось сначала.

Таким образом, наш путь очень затянулся и хорошо, что мне вовремя пришло в голову водить пару рысят по кругу, и когда наступил вечер, мы оказались там же, откуда и начали свой путь. Я, конечно, опасался, что мою хитрость заметят, но я зря волновался, ибо как только мы остановились, чтобы отдохнуть, Уна произнесла:

– Какое чудное место!

На что я пробормотал в полголоса:

– Ну да, здесь ты узнала, про глупость Ярси.

– И вправду Уна! – согласился с нею Ярси, даже не услышав меня.

– Соглашается с девчонкой, какой стыд! Ей только дай палец, руку откусит! – все бормотал я, не успокаиваясь и злясь, что меня совсем не замечают.

– Может вы голодны? – громко спросил я, чувствуя, что с самого утра ничего не ел, и голод одолевал меня.

– Конечно Охва, спасибо!

– Не за что! – раскланялся я, язвенно улыбаясь.

– Не сомневаюсь, что и вы голодны... Только мой голод иного характера, и я его не переживу, если не перекушу, – обиженно бросил я и ушел прочь.

– Про что это он? – спросила Уна, не сводя глаз от Ярси.

– Что-то про погоду!

– Да, замечательные места, – ответила Уна.

– Вы только подумайте, даже самих себя не слышат! – усмехнулся я напоследок.

– Это вам, – вскоре вернулся я с мелкой добычей на троих.

– Возьми Уна, – пододвинул он ее часть ближе к ней.

– О-о, спасибо Ярси, ты такой заботливый!

– Ну-у! – замялся Ярси.

– Ярси, Уна, вы что специально? – не выдержав, выкрикнул я с обидой.

– Наверное... – протянул рысенок.

– Нет... – закончила Уна.

– С вами все ясно, – резко остыл я, махнул лапой, умолк, и стал зрителем, уныло смотрящим мыльную оперу, длившуюся казалось вечность.

В глубине души, конечно, я был рад за Ярси, а еще глубже завидовал ему, но все это затмевала раздражительность и нервозность.

Наконец-то стало смеркаться. Ярси и Уна успокоились и устроились поближе друг к другу, готовясь ко сну.

– Простите, я сейчас вернусь! – вдруг вскочила Уна на лапы, и быстро удалилась. Ярси, проводив ее взглядом, хотел было последовать за ней, но я вырос у него на пути.

– Далеко направился?

– Охва, я скоро вернусь!

– Ну, уж нет! Я весь день наблюдал за вами, и вот, что я скажу! Вы можете заигрывать, шептаться, но не больше. Вы оба еще слишком юны. Так что, поворачивай назад, и ложись спать!

– Но Охва!

– Никаких Охва! Или ты забыл кто здесь старший! Я в ответе за тебя малыш!

– Не называй меня так!

– Ух, как заговорил? Быстро же ты повзрослел. Значит, как принимать серьезные решения, так Охва. А как легкомысленные – я сам! Нет уж! Вернись на место!

– Нет! Ты не можешь мне указывать!

– Нет!? Это мы сейчас посмотрим, – чуть ли не с когтями я стал надвигаться на Ярси. Но прежде, чем достиг его, и совершил непоправимое, появилась Уна.

– Вы кричали? Что-нибудь случилось? – кинулась она к нам.

– Спроси у Ярси! – бросил я и присел в сторонке от него.

– Все нормально Уна, – поспешил успокоить ее Ярси, кинувшись ее на встречу. – Просто, кто-то слишком много на себя берет! – бросил Ярси, на что я вконец обиделся и отвернулся от обоих, изображая, что крепко уснул.

Ярси и Уна в свою очередь, также устроились поудобнее, и вскоре засопели в унисон.

Следующее утро, не принесло никаких перемен ни в отношении рысят, ни в наших с Ярси, с которым я говорить отказывался. Понимая, что я намеренно избегаю его взгляда, Ярси назло мне, отправился на охоту с Уной, приобняв ее, как старый друг. Я сдержанно отреагировал на действия Ярси, и когда рыси удалились, начал ходить взад и вперед. Кляня уже себя за то, что все это заварил.

Как будто на зло, не успел я успокоиться по одной причине, как стал нервничать по поводу долгого отсутствия рысят. Я успокаивал себя, говоря, что они вольны жить так как им вздумается, но все же некое плохое предчувствие не давало мне покоя, и я все ходил взад и вперед, вовсе не желая, чтобы мои опасения сбылись. Но именно так и случилось, когда из леса со всех лап в мою сторону сам не в себе кинулся Ярси. Сразу бросив на него взгляд, я понял, что что-то не так.

Направившись ему навстречу, достигнув его, я оказался крайне удивлен, так как Ярси был до такой степени напуган. На нем не было лица, он был весь всклокочен, шерсть стояла дыбом, он тяжело и часто дышал. В его глазах таился непомерный ужас, охвативший все его нутро.

– Ярси, Ярси, что случилось? – затараторил я, пытаясь докричаться до рысенка, но он, остановившись, схватившись за голову обоими лапами, и совершенно был невменяем.

– Уна, где Уна, Уна?! – задергал я его за грудки.

– Ярси, что ты сделал, что ты сделал?! – кричал я ему в ухо, но Ярси не отвечал, лишь горестно мычал на каждое мое слово.

Мне еще долго бы пришлось добиваться от него разъяснения, если бы в следующее мгновение в лесу, где-то совсем рядом, не раздался оружейный выстрел. Мне все сразу стало понятно, и впившись испепеляющим взглядом в Ярси, я лишь тихо молвил:

– Или не сделал?

Получив утвердительный ответ, в его глазах, я кинулся прочь от него вглубь леса.

Я мало помню себя в те минуты, так как впал в нечто подобное состоянию аффекта. Совершенно не помню, сколько бежал по лесу, в поисках следов или хотя бы какой-нибудь зацепки. Но точно не забуду того момента, когда выбежав на лесную открытую полянку, замер на месте, увидев, что вся она покрыта капельками крови, явно принадлежавшей Уне. В следующее мгновение до моего слуха долетел собачий лай. Я тут же понял, чьих это рук дело и кинулся на лай. Но как бы быстро я не бежал, лай все удалялся и удалялся, и вскоре вовсе утих.

Вспомнив, что к северу от леса простирается река, я бросился к ней, в надежде, что там смогу нагнать человека. Но достигнув берега, обнаружил лишь человеческие следы, да все те же капли крови на песке, и следы от его лодки на берегу. А прислушавшись, я услышал еле уловимый шум моторной лодки, с каждой секундой становившийся все тише и дальше. Осознавая, что уже поздно, что-либо предпринимать, я сел на берегу, опустил голову и впал в глубокую задумчивость.

Сколько она длилась я не знаю, но вывел меня из нее голос Ярси, отыскавший меня по следам через какой-то время.

– Охва, Уна, ее... – невнятно, тихо молвил он, и я, придя в себя, не поднимая на него своего взгляда, пошел обратно в лес, в свои родные места.

– Охва, прошу... – протянул жалобно Ярси, – Это все я виноват. Ты был прав, я слишком еще юн! Я забыл это, забыл всего на один день! Похвастался перед Уной, что все могу и сам привел ее в ловушку... – тихо начал Ярси, не смея поднять головы.

Я же остановился, повернулся к нему, и не говоря ни слова впился в него равнодушным взглядом.

– Она говорила, что что-то чувствует, но я не слушал ее, как не слушал ранее тебя. И тогда, тогда... – еле слышно говорил Ярси, переходя на слезы горя и отчаяния.

– Не успел я сделать и шаг, как она оттолкнула меня и вместо меня угодила в железные острые тиски обоими передними лапами! Не успел я что-либо понять, как на поляну выскочила собака, а следом за ней показался человек. Уна звала меня и звала, а я оставил ее! Я бросил ее! Понимаешь Охва? Я.. я... жалкий трус, червяк недостойный больше жить! Уна-а, – заунывно протянул Ярси, упал лицом на землю, нанося сокрушительные удары по своей голове передними лапами, и все повторял.

– Уна! Уна! Уна!

Каждый раз все тише и расплывчатее, как будто он утопал в собственных слезах и грязи, образовавшейся от их изобилия. Даже мое очерствелое сердце после всего, что натворил Ярси, не способно было лицезреть таких мучений друга. И я, по-прежнему ничего не говоря, подошел к нему, и тихонько и нежно погладил его по голове. А он, подняв на меня свою чумазую избитую горем и слезами мордочку, заглянул мне в глаза, ища сочувствия и помощи.

– Уна пожертвовала собой ради тебя, так не сокрушайся... Слезам горю не поможешь, – молвил я, и помог подняться рысенку на лапы.

– Ты прав Охва! – приободрился рысенок. – Нужно спасти ее.

– Это были люди не с базы, у них собаки, а значит это охотники, и Уна уже мертва, – подытожил я печально.

– Охва, прошу, пощади меня, не говори так. Уна жива, я чувствую это! Наши сердца бьются в унисон, и я чувствую, как ей страшно... – начал было Ярси, но я покачал головой и побрел обратно назад.

– Охва, никогда и ни о чем я не просил тебя так, как прошу сейчас! – взмолился Ярси, преградив мне путь. – Помоги!

– Прости Ярси, но тебе придется смириться.

– Нет, нет, и еще раз нет! Пусть все будут мне твердить, что Уны больше нет, я не поверю, не остановлюсь, не успокоюсь, до тех пор, пока не отыщу ее. И я сделаю это с тобой, или без тебя.

На что я стоял на месте, не проявлял интереса.

– Прости Охва, но я должен! – развернулся он ко мне спиной и пошел вдоль реки. – Я виноват перед Уной, перед тобой, перед самим собой! И я просто обязан все исправить, – закончил он, и тяжело вздохнув, пошел вперед.

– Охва? – обернулся он через пару шагов.

– А?!

– В какую сторону они уплыли?

– На запад!

– Спасибо, за все! – поблагодарил он, и пошел дальше.

Я же борясь с самим собой, через несколько секунд остановил его.

– Ярси! Ты тоже прости меня!

– На то и нужны друзья!

– Я считал тебя юнцом и глупцом. Но, по-видимому, сам оказался не лучше. Я позволил себе обидеться на тебя, и отпустил вас сегодня одних.

– Здесь только я виноват, – ответил Ярси, не оборачиваясь.

– Нет Ярси, не сегодня! Я был так ослеплен чрезмерной опекой, что и не заметил, как ты вырос. Я убедил себя, а главное вбил это тебе в голову, что ты еще ребенок, и вот к чему это привело. И чтобы хоть как-то загладить вину, я готов помочь!

На что Ярси резко остановился, развернулся и кинулся с объятиями ко мне.

– Спасибо Охва, я никогда не забуду этого, никогда...

На протяжении всего дня нашего пути вдоль реки на восток, Ярси был как никогда хмур и молчалив. Я понимал, как тяжело приходится ему, не давил на него, и также сохранял молчание, не скупясь на сочувственные взгляды и вздохи. Мы не останавливались до поздней ночи. Когда стало темнеть, устраивались на ночлег, и мне удалось снять оковы с уст рысенка.

– Понимаешь Охва, – говорил он мне. – Ты хороший друг и даже больше, я обязан тебе всем, что имею. Только благодаря тебе я увидел настоящую жизнь, без людей, стоящих возле клетки. Это дорогого стоит, но я всегда чувствовал, что мне чего-то не хватает. Наверное, я не ценю, что имею, возможно... Но вчера встретив Уну, мир для меня перевернулся. Она всегда понимала меня с полуслова, а заглядывая в ее глаза, я видел самого себя. Не знаю как это назвать, наверное, я еще не определился, но я точно знаю, что она та, самая единственная, к которой меня влечет всем сердцем. Ты, наверное, думаешь, я в бреду, и несу чушь? Но только сегодня, потеряв ее, я осознал, что она моя вторая половинка, без которой жизнь для меня снова стала обычной...

– Вкусив плоды счастья, остывшую пищу, мы уже не считаем за еду, – философски ответил я. – Не беспокойся Ярси, никто не считает тебя безумным, и даже наоборот, тебе крупно повезло встретить такую как Уна, в самом начале пути. Это везение. Некоторые в поисках таковых проводят всю свою жизнь, и даже порой умирают одинокими, но не ты! Ты нашел свое счастье, и знаешь, что – вместе мы вернем тебе его. Самое главное Ярси, не отчаиваться, не сдаваться до последнего...»

Задумчиво проговорил Охва, взглянув на Шусика, который, при последних словах, мирно засопел, не выдержав наплыва усталости.

– Не сдаваться... – проговорил он тише, и подойдя к барсенку, дотронулся до его головы.

– Продолжай дедушка, что случилось дальше? – сквозь сон, пробормотал Шусик, а сам перевернулся на другой бок.

– Спи малыш, ты еще успеешь все узнать, – тихо прошептал Охва, и удалился к себе.

– Последующие четыре дня, кряду, с самого рассвета и до глубокой ночи, мы шли и шли вперед, не останавливаясь, сами толком не зная, на правильном ли мы пути, – продолжил свой рассказ Охва, на утро следующего дня.

«Но мы дали себе обещание не отчаиваться. Ярси выполнить это обещание было труднее, чем мне. И не знаю, выдержал бы он все это, если бы не случай произошедший на шестой день под вечер.

Мы шли по левому берегу реки, который то вздымался высоко в небо, образуя крутые горные склоны, то опускался вниз к земле, превращаясь в каменисто-песчаные отмели. И именно возле подобного места нам вдруг попала моторная лодка, вытщенная на берег. Возле нее было множество человеческих следов, как если бы те, кто приплыли сюда, обшарили весь пляж в поисках чего-то. После этого следы уходили вглубь леса.

У меня сразу возникло дурное предчувствие, но что Ярси, до моих ощущений. Его так тянуло пойти за ними, как если бы эти люди и были те самые охотники, поймавшие Уну. Отговаривать Ярси не было ни единого шанса, и мне ничего не оставалось, как возглавить выслеживание человека. Спустя примерно час, наши поиски увенчались неожиданным успехом. Он был не то что неожиданным, но еще и очень громогласным.

Все началось с оглушительного раската оружейного выстрела, за которым последовали человеческие крики, возгласы, переплетающиеся с лаем собак. Все это происходило в какой-то паре сотне метров, где-то впереди в лесу. Туда-то и кинулся, сломя голову Ярси, а я за ним, стараясь догнать его, и уберечь от беды, на которую он неминуемо нарвался бы.

Но прежде, чем он нашел беду, беда сама преградила ему путь. Он резко остановился, и замер, укрывшись в кустах. Тоже самое сделал и я, нагнав его. Причиной нашего общего страха, стали два человека. Один из которых, как видно по отдышке второго, только что нагнал его и ударил прикладом по спине, свалив его. И вот теперь навис над ним, нацелившись на него в упор. Причем первый с ружьем, чем-то отдаленно напомнил мне одежду людей с базы, но на этом сходство закончилось. Так как на его лице читалось нечто иное, чем на лицах людей, виденных мною ранее.

– Ну, здравствуй Гриша, узнаешь? – проскрипел сквозь зубы первый человек.

– Как не узнать волка в овечьей шкуре. Что Максим, из игроков подался в «зеленые»? Может ты своими подвигами, которых за последние дни было не мало, и провел их, но не меня! Я-то уж знаю, каков ты на самом деле!

– Лучше бы тебе не выигрывать тогда! – взвел курок Максим.

– В любое другое время я бы поверил тебе, но не сейчас! Ты же хороший, что скажут наверху, если ты прикончишь меня?

– А я и не собираюсь! Ты прав, за последние дни, я переловил дюжину таких как ты, и это возымело свои плюсы.

– Позволь догадаться – причина этому, в том, что ты их всех нас сдал. Но они не знали по чьей вине пострадали, а я знаю, и молчать не собираюсь. Ты пойдешь на дно вместе со мной, Максим! Как тебе такое решение? – усмехнулся Гриша, усевшись на землю, а Максим скривив недовольную мину, хотел было нажать на курок, но не стал.

– Ты прав Гриша, мне не выгодно сажать тебя. А остальных я сдал, так как знал, что кроме штрафа им ничего не предъявят.

– Значит, ты извлек выгоду там, где все потеряли?

– Закон экономики!

– Да-а, так ты далеко пойдешь!

– Младший помощник в лесничестве, это только начало, я мечу в... – прервался резко Максим, так как до его слуха дошли приближающиеся шаги.

– Еще увидимся! – махнул ружьем Максим Грише, показывая, что он волен бежать.

Тот быстро встал и прежде, чем скрыться в лесу, бросил:

– Конечно, ведь теперь я у тебя в долгу!

– Сочтемся! – ответил на это Максим и направился туда, откуда слышались шаги.

– Максим, ты поймал его? – послышался знакомый голос, и я тут же подполз ближе.

– К сожалению, Иван, он смог скрыться, – произнес Максим печальным, расстроенным голосом.

– Ничего! – молвил на это человек, который и вправду, к моему удивлению и счастью, оказался Иваном. – Зато ты взял всех его приятелей. Эта банда ловцов животных, орудовала здесь еще с прошлой зимы, и мы никак не могли выследить их. Ты вновь помог нам. Я даже не знаю, как благодарить тебя, – растрогался Иван, обняв Максима.

– Простого спасибо, будет достаточно.

– Не скромничай, – выпустил Максима Иван из своих объятий. – Я обязательно отражу твой большой вклад в своем ежемесячном рапорте. Вот увидишь, ты далеко пойдешь! – молвил Иван без задней мысли, и под дружеское похлопывание Максима по спине, ответившего невзначай:

– Ну, спасибо!

Оба человека направились обратно. Я, не веря в увиденное, и услышанное, высунул голову из кустов, и впил взгляд в Ивана. В этот самый момент, обернулся Максим и по его сверкнувшим глазам я понял, что если бы присутствие Ивана, он бы сделал со мной то, что люди обычно делают, завидев добычу.

Когда оба человека скрылись, ко мне подошел Ярси.

– Ведь это тот же... – начал было он, но я перебил его.

– Да, я знаю.

– Но он...

– Это верно.

– А может она...

– Возможно.

– В чем дело Охва? Что-то не так? – заглянул мне в глаза Ярси, почувствовав по моему голосу мое смятение.

– Все не так, как я все представлял... – лишь бросил я, и пошел по человеческим следам.

– Мы куда?

– Надо осмотреть то место! Может Уна была у них? – молвил я, на что Ярси, тут же снова бросился вперед.

Но на этот раз я не погнался за ним, а медленно поплелся следом, как после кошмарного сна, проснувшись рано, от его концовки.

Достигнув того места, где была стоянка ловцов, мы с Ярси никого не обнаружили. Лишь недавно потушенные костры, в срочном порядке, еще дымившиеся, небольшой сруб в центре небольшой поляны, да множество всевозможных орудий охоты: капканы, сети, силки, колья, клетки различных размеров. Это и все, что осталось после людей – груды бесполезного и опасного мусора.

Ярси обшарил каждый уголок лагеря, заглянул и в хижину – и ни каких следов пребывания здесь Уны. Да и вообще никаких следов животных, видимо Максим и в правду знал, что охота еще не кончилась, и посему и привел сюда представителей закона, тогда, когда меньше всего было доказательств.

Оба озадаченные всем увиденным, и не отыскав ответа на вопросы, волновавшие нас обоих по-разному, мы с Ярси вначале хотели броситься по следам охотника, но спустя час пути по его следам, они резко обрывались, у все той же реки, но чуть ниже по течению. Куда он отплыл, мы не знали, да и не это больше волновало нас. Разгадка судьбы Уны, вот, что стало для Ярси первостепенной задачей. А что же до меня, то меня всем нутром влекло на поиски этого охотника, ведь что-то подсказывало мне, что это была не последняя наша встреча с ним. Но я не мог бросить Ярси, тем более сейчас, когда он больше всего нуждался в дружеской поддержке. Ведь увидев снова людей, Ярси стал сам не свой, и все повторял, что это его вина, и Уна попала в руки этих негодяев из-за него. Мне пришлось побороть свой порыв, и начать бороться с апатией Ярси, охватившей его, как только мы зашли в тупик.

– Нельзя бросать поиски на полпути. Мы не знаем, эти же люди схватили Уну или другие. Поэтому не отчаивайся раньше времени. Продолжим же наш путь вдоль реки, и будем молить судьбу, чтобы она вновь свела нас с Уной, чтобы не случилось... – говорил я Ярси, сам не особо веря в удачный исход наших поисков.

Но все же надежда умирает последней, и в этом я не раз убеждался. Превозмогая ужасную сердечную и душевную боль, Ярси пошел вперед. Я лишь мельком заглянул ему в глаза и сразу все это понял – он был разбит. Но неведомая сила не позволяла ему сдаться, и влекла все вперед на встречу неизбежному.

Мы продолжили путь в прежнем темпе, находясь в пути от рассвета до заката, а порой и двигались ночью, особенно когда приходилось миновать человеческие селения. Но взглянув на нас со стороны можно сразу заметить перемены. Мы стали более молчаливыми, сосредото-

точенными на своих мыслях, чутко реагировали на любой шорох и шелест вокруг нас, и все ожидали, что вот-вот объявятся охотники, с одной лишь целью – разделаться с нами. Но то ли потому, что люди уже побывали в краях, по которым лежал наш путь, то ли по другим причинам, нам не ведомым, но везде, где бы ни ступали наши лапы, было слишком тихо и безмятежно. Складывалось такое ощущение, что вот-вот грянет гром, сверкнет молния и разразится буря.

День за днем это ощущение нарастало, но как будто нам на зло, ничего не менялось. И уже каждый из нас внутри молил о переменах, хоть самых небольших, пусть даже мимолетных, ну хоть каких-нибудь. Но как я понял из своего жизненного опыта, чего бы сильно не желал, это с такой же силой не случается. Мы желаем перемен – получаем долгое затишье, счастья – гору бед, гармонии – камень под ноги. Таков уж закон жизни, с ним сложно свыкнуться, но не невозможно. И именно это нам и оставалось с Ярси.

И вот спустя несколько дней с тех пор, когда мы повстречали людей в лесу, и когда мы уже отчаялись, найти хоть какие-нибудь следы Уны, мы наткнулись на место, до боли знакомое мне из прошлого. Конечно, я мог ошибаться, ведь стоял уже вечер, но как мне показалось, это были те самые места, где располагалась лесозащитная база. Конечно с дуру, я озвучил свои мысли, и услышанное неоднозначно подействовало на Ярси. Он вначале обрадовался, затем притих, и затем и вовсе впал в хмурость и молчание, за маской которой я уверен был, он прятал свой страх, распрощаться со своею последней надеждой.

Вскоре я убедился в правоте своих предчувствий и во избежание непредвиденных ситуаций, отвел Ярси чуть в сторону, от правильного пути. Тогда я думал, что Ярси ни о чем не догадывается. И устроившись на ночлег, я, дождавшись, пока он уснет, сам один отправился на разведку.

Под покровом ночи пробраться ближе к базе, не составляло особого труда, а так как вольеры находились возле леса, я смог быстро прокрасться к ним, никем незамеченный, и не увиденный. Я быстро обшарил взором все клетки, и отыскав нужную, остановился возле нее, замерев от ужаса перед увиденным мною. В небольшом вольере, под светом лампочки, что светила с небольшого столбика, приставленного к клетке, находилась она. Я сразу узнал ее, это была Уна, но то, что постигло ее, после пребывания в руках людей, заставило замереть мое сердце, и холодный пот пробежал по моей спине. Теперь меньше всего я хотел, чтобы Ярси, увидел ее такой, какой она стала. Но только эта мысль пробежала у меня в голове, как позади себя я услышал тяжелую поступь. Обернувшись, увидел Ярси, который сам не свой, не отводя глаз со спящей Уны в клетке, с застывшим выражением ужаса и смутения на лице подошел в плотную к ней, и прислонился лбом, прискорбно проговорил:

– Ты был прав Охва, я никогда не был достоин ее. И только я посмел дотронуться своими неуклюжими лапами до цветка, как я его тут же сломал. Будь проклят тот день, когда я повстречал ее!

– Не говори так Ярси. Это дело рук людей, а не твоих.

– Не пытайся оправдать меня. Разве это они трусили тогда, и бросили ее на погибель?! Нет, это был я! и смотри, к чему это привело? Я сломал ей жизнь, обрек на вечное заточение в клетке. Я – не человек, оказался жестоким, и я бы с радостью нес это бремя в одиночку всю жизнь, если бы не она!

Поднял на нее глаза Ярси.

– Ярси, очнись, она жива, а это самое главное. Вместе мы все преодолеем.

– Нет никаких мы, и нас, Охва! Я так был для тебя тяжелым бременем все это время. Я не достоин твоей дружбы и помощи, как недостойн и любви этого нежного, чистого создания, которого я обрек на такое существование.

– Ярси тебе нужно успокоиться... – начал было я, заботливо положив на его плечо свой лапу, но Ярси вдруг зашипел и с силой оттолкнул меня, отчего я упал, и поднял на него вопро- сительный взгляд, полный сожаления и жалости к нему.

– Оставь меня! – бросил он, и прежде, чем я успел, что-либо сказать, он бросился бежать прочь в лес.

– Ярси! – протянул я, и хотел было броситься за ним, но меня вдруг остановил голос из клетки:

– Охва, оставь его.

Я обернулся и увидел, как Уна поднимается на лапы.

– Ты... ты... все слышала?

– С начала и до конца! – ответила Уна.

– Но почему, почему ты не подала вида. Неужели ты его ненавидишь?

– Нет Охва, вовсе нет. Я по-прежнему его люблю, но и он должен это понять, и принять меня такой, какой я стала, – подытожила Уна, и опустила взгляд, не смея смотреть мне в глаза.

И только теперь, стоя во весь рост при свете лампы я смог разглядеть все ее увечья. Изодранная шерсть рыски, некогда пушистая и сверкающая, теперь была в клочья изодрана, все ее тело было покрыто шрамами, болячками, по боку зияли следы от когтей и зубов, ее правое ухо было прокусано насквозь, хвост и тот был переломан в нескольких местах, и после правки врача, был забинтован, но даже он не мог скрыть того, что отныне он будет искривлен. Но и это было не все: ее глаза были красны, как после недельного недосыпания, из носа текли сопли вперемешку с кровью. Уна попыталась сделать несколько шагов, но острая боль в боку сковала ее, и она скручившись замерла. Я не долго думая кинулся рыть подкоп, и через несколько минут был уже внутри и помог Уне лечь на другой бок.

– Не стоит Охва, сидеть надо мной и смотреть такими жалобными глазами. Конечно, первое время это шокирует. Помниться я жутко перепугалась за себя, очнувшись здесь. Мне было так тяжело, осознавая, в каком я состоянии, что хотелось просто умереть. Ну же Охва, не отворачивайся от меня, ты смотришь лишь, что у меня снаружи, но прошу загляни мне в сердце. Оно скажет тебе, что я вовсе не виню тебя и Ярси. Вы оба испугались, это естественно. И ты, как старший, оказался смелее, не более. За те дни, что я здесь, я многое поняла и осознала... – говорила Уна, ища взглядом встречи с моими глазами, и я понимая, как для нее это важно, пересилил себя. И не обращая ни на что более внимание, впился ей в глаза.

– Скажи Охва, что ты видишь?

– Боль! Боль души и сердца! Не из-за себя, и не из-за людей, а за Ярси.

– Правильно, – протянула Уна, закашлявшись.

– А еще страх. Не за свою судьбу, а за Ярси! Ты боишься, что теперь за всем этим он не разглядит твоей истинной красоты. Не сможет смириться с этим и рано или поздно погубить себя...

– Ты не по годам мудр Охва. Наверное, потому, кчто и сам был в подобной ситуации...

– Что верно, то верно Уна. Когда-нибудь я расскажу тебе свою историю, когда мы снова будем вместе. А теперь поведай мне, что случилось с тобой? Вот увидишь Уна, тебе станет легче...

– Я знаю, ведь мне этого так не хватало...

– Ни к чему вспоминать то, что случилось до того, как я попала в капкан. Не подумай, я вовсе не проклинала Ярси, ведь это я оттолкнула его и тем самым уберегла от участи, постигшей меня. Скажу лишь, что была в сознании, когда пришел человек, забрал меня и после погрузил в свою лодку, даже не высвободив мою заднюю лапу из металлической ловушки. Наверное, он боялся, что я сбегу, хотя если честно, о побеге в те минуты, я меньше всего думала. Поступок Ярси, конечно, сильно подкосил меня, а кровоточащая рана и вовсе лишила меня сил, и я потеряла сознание.

Очнулась я под вечер, не пойми, где, в небольшом сколоченном наспех ящике. Солнечный свет еле пробивался внутрь, сквозь узкие щелочки досок. Кое-где торчали гвозди, и лишь одно облегчение – с меня сняли капкан. Я могла стоять и даже передвигаться, хромая и, по-видимому, этого было для человека достаточно. Но тогда я еще не догадывалась для чего...

Все стало ясно на следующее утро, когда я проснулась от ужасных криков множества людей, где-то поблизости. Также были слышно чьи-то рычания и рев, прерываемый человеческими возгласами счастья или огорчения. Я замерла внутри ящика, с ужасом ожидая появления человека, который спустя несколько часов страха и ужаса, пришел за мной. Сквозь щелки, я разглядела его, это был тот самый охотник. Насвистывая себе под нос, он взял ящик со мной и понес неведомо куда.

– А-а Максим, – встретил его другой человек.

– Ты видимо не привык проигрывать, ну и кто у тебя на этот раз?

– Какая разница, так мы играем?

– Ну ладно, плати пошлину.

Максим протянул кулак с бумажкой.

– Хорошо, ты следующий, приготовься!

– Так кто мой соперник? – спросил он, кладя ящик со мной перед небольшой площадкой в центре, вокруг которой, как я заметила изнутри, собралось много людей.

– Так уж вышло, что я, – улыбнулся учредитель игр.

– Выпускай! – скомандовал он, и Максим открыл ящик, и с силой пнул его, отчего я вывалилась из него кубарем.

– У-у Рысь! – протянул Учредитель.

– Да, Гриша, это лесной кот!

– Хорошо, да начнутся игры, – дико закричал он, поднял руки вверх.

Все тут же стихли, и с противоположного конца площадки на меня со всего разбега бросился матерый пес. Я была совершенно сбита с толку, и не могла трезво оценить ситуацию. А когда поняла, что от меня требовалось, было слишком поздно. Этот пес... – закрыла глаза Уна, стиснув зубы, так были больны воспоминания.

– Исход битвы стал известен сразу, но люди и не собирались разнимать нас. Они просто смотрели и ликовали... – дрожащим голосом молвила Уна, а с ее глаз потекли слезы боли.

– Это продолжалось несколько минут, до тех пор, пока я вовсе перестала шевелиться и впала в забытие.

– Это нечестно, Гриша.

– Максим, ты я вижу здесь новенький, и еще не понял наших правил. Побеждает тот, кто побеждает. Ты снова проиграл, так не мешай другим.

– Ах, ты, да я тебя...

– Что ты меня?! Ты один, а нас много, так проваливай, пока сам не стал участником игр! – пригрозил Гриша. На что Максим проглотил язык, и хотел было забрать меня, но Гриша остановил его. Точнее его пес, зарывавший на него.

– Не советую его злить!

– Что?

– Это его трофей, будет, кого подрать после трудного дня! – злорадно скривил улыбку Гриша.

– Это еще не конец! – бросил убийственный взгляд Максим на Гришу и, давась от злости, ушел с пустыми руками.

А Григорий, и бровью не повел, жестом приказал убрать меня со сцены. Ко мне подбежал один из зрителей, и тут же схватив меня, отнес подальше и швырнул в сарай, заперев дверь снаружи.

Я была еле живой, и желала смерти, как никогда прежде с такой неистовой силой. Но и она отвернулась от меня. Я закрыла глаза и ждала, сама не знаю чего. А снаружи все продолжались игры, под дикие человеческие возгласы, которые продолжались до тех пор, пока чей-то оружейный выстрел смог их перекрыть. Поднялась невообразимая шумиха, беготня, глухие стоны, под непрекращающийся лай собак. Но все это доносилось снаружи, как сквозь туман, и уже больше не волновало меня. Ведь с каждой секундой мне становилось все хуже и хуже, и я с неким упокоением распростерла объятия надвигающейся тьме.

Сколько времени я провела в забытьи на грани жизни и смерти, мне неизвестно. Я очнулась резко, от того, что где-то рядом разговаривали люди.

– Семен, и не заставляй меня ему доверять. Он здесь несколько дней, и уже младший помощник, да еще втесался в доверие Ивана. Он пройдоха, я это чувствую!

– Надя, не кипятись. Я тоже не слишком ему доверяю. Он прибыл не весть откуда, рассказал нам об жестоких играх в селе, после чего мы накрыли всю банду этих игроков.

– И что?

– Не знаю, что им двигало, но признай, что для животных это большой плюс! Да и здесь как-то все приободрились. Максим купил вторую лодку, новые ружья. Да и Ивану теперь не так одиноко после смерти его жены!

– Пусть даже так, но я больше переживаю за Ивана. Потеря жены, которая с ним давно не зналась за его выбор, да еще получить такой удар от дочери. Сколько ей там?

– Лет двенадцать? Она еще ребенок, и злиться на отца, поэтому и выбрала в качестве семьи тещину.

– Да-а, бедный Иван! – протянул женский голос. – Может поэтому Максим так быстро стал ему другом. Ведь как он рассказывал, тоже потерял семью, ему даже пришлось продать дом в городе, и уйти в глушь.

– Может так, а может, и нет. Но этот тип, не вызывает у меня доверия, он как крыса...

– Кто крыса... – послышался третий голос, показавшийся мне очень знакомым.

– Я тоже рад снова видеть тебя, Надя, – продолжил он, приближаясь.

– Не благодаря тебе, – шепнула Надя Семену.

– Я все слышу! Не стоит злиться на меня, ведь это я нашел ее тогда.

– Будь я там, я бы сама перегрызла глотку мерзавцу, который это сделал.

– Ты опоздала, я пристрелил того пса.

– Жаль, что упустил человека.

– Ничего, я знаю, где его можно прижать.

– Откуда интересно?

– Надя!

– Ничего Семен, я здесь новенький, ей нужно время привыкнуть, – молвил голос, когда Надя направилась прочь. Тогда-то я и открыла глаза и увидела, людей, которым я была обязана своим спасением и заточением. И первым, кто бросился мне в глаза, был тот самый охотник, поймавший меня, и пустивший меня на растерзание. Я почувствовала его сверкающий голодный взгляд на себе, и тут же бросилась с диким ревом на решетку, больше всего желая настигнуть его.

– Очнулась! – молвил Степан, помогая Максиму подняться, после того как тот от неожиданности упал на спину.

– Бурная реакция! – проговорил Максим вставая, с некой ноткой волнения в голосе, которая не ускользнула от Семена.

– Странно?

– Ничего, вот поправится, у меня есть на нее покупатель из области. Определим ее в зоопарк, – поспешил удалиться Максим, уводя с собой Семена.

В этот самый момент рассказ Уны прервался внезапным появлением человека.

– Прячься, это он! – шепнула она мне, и я скрылся за ней, и с замершим сердцем, превратился вслух.

– Замечательно, уже держишься на лапах, – прошипел человек, подходя тихо к клетке. – Еще недельку интенсивного лечения, и я сделаю на тебе неплохие деньги. Эти идиоты думают, что тебе улыбается зоопарк, а ты попадешь в частный дом, где всю жизнь будешь сторожить его сортир. Хе-хе-хе!

На что Уна яростно зарычала.

– Однако я не прогадал с выбором места для старта, – пнул он клетку, чтобы припугнуть рысь, после чего направился к себе.

– Уна, тебе нельзя здесь более оставаться, этот человек негодяй, он сведет тебя со свету, – завопил я в сердцах, когда тот ушел.

– Я еще слишком слаба, и посему у тебя есть еще время, разубедить Ярси. И когда тебе это удастся, я буду счастлива покинуть это место. Так не теряй же времени, – направила она меня в сторону моего подкопа.

– Но, Уна...

– Нет Охва, спаси вначале его, а затем возвращайтесь за мной.

– Уна, – кинулся я ее обнимать.

– Ты, ты просто необыкновенная! Твоя стойкость восхищает меня, сильнее ее может быть только любовь!

– Ступай с миром!

– Обещаю Уна, мы вытащим тебя, любой ценой, – бросил я напоследок и кинулся вдогонку за Ярси.

– Этого я и боюсь, – молвила себе под нос Уна, провожая меня печальным взглядом.

Всю ночь напролет, я рыскал в округе, в поисках Ярси, но все было тщетно. Он как сквозь землю провалился. Его следы обрывались возле реки выше по течению, а дальше, я искал наугад. Я даже хотел было пуститься на поиски в обратную сторону, как вдруг меня осенило. Я вдруг вспомнил, мой первый день встречи с Ярси, и рассказ людей о том, где его нашли – возле озера, на севере, раз за разом прозвучало в моей голове эхом. Это было единственная зацепка, слабая, но не лишенная здравого смысла.

Куда обычно мы идем, когда нам становится плохо, и одиноко – в родные места – домой! А так как Ярси не был там с самого детства, было вернее всего предположить, что именно туда, он и направиться. Ярси был еще ребенком, импульсивным и одиноким, с разбитым сердцем, и тяжелым грузом на плечах, и конечно ему требовалось выплеснуть все эмоции, вспомнить, кто он есть на самом деле, познать и разобраться в себе. И лучшего места чем то, где все началось, не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.